ОЛЬГА СТАРОВОЙТОВА

Золотой билет

НА ТИТАНИК

18+

Ольга Старовойтова

Золотой билет на ТИТАНИК

«Автор»
2026

Старовойтова О.

Золотой билет на ТИТАНИК / О. Старовойтова — «Автор», 2026

Апрель 2025 года. Корабль «Атлантик» выходит из Саутгемптона курсом на Нью-Йорк — тем же маршрутом, которым сто тринадцать лет назад шёл «Титаник». На борту — участники рейса памяти: люди, которые везут с собой письма, фотографии и имена тех, кто не доплыл. А также журналистка из Перми, выигравшая Золотой билет на судно.В точке, где лежит «Титаник», «Атлантик» получает пробоину.«Золотой билет на Титаник» — это книга о том, что происходит с людьми, когда история перестаёт быть прошлым и становится настоящим. А также о том, что живые люди важнее всего остального.

© Старовойтова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 28
Глава 7 36
Глава 8 52
Гл 71
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Ольга Старовойтова
Золотой билет на ТИТАНИК

Глава 1

Однажды каждый встретит свой финал,
Свой черный айсберг посреди тумана.
Узнаем мы, когда девятый вал
Затопит мир без всякого обмана:
Кто бросил шлюпку брату своему,
А кто закрыл ребенка хрупким телом.
Мы станем тем, что было как в дому —
Мерзавцем черствым или светом белым.

Пусть спит «Титаник» в синей тишине,
Урок потомкам горький оставляя:
Низость и честь купаются в цене,
Когда волна идет, преград не зная.
И пусть звучит заупокойный звон
По тем, кто выбрал холод вместо страха:
Ведь побеждает только тот,
Кто свет хранил в груди своей до праха.
Старовойтова О.А.

Пермь встретила февраль так, как умела только она — с размахом и без извинений. Снег валил третьи сутки подряд, укладываясь на крыши, провода и козырьки магазинов толстыми неряшливыми шапками. Улица Ленина превратилась в узкий коридор между сугробами, и редкие прохожие пробирались по ней, втянув головы в воротники, глядя строго под ноги.

В редакции «Пермского курьера» было жарко, накурено и громко.

Светлана Громова сидела за своим столом у окна — третьим от входа, если считать слева, и смотрела в монитор невидящим взглядом. На экране был открыт недописанный материал о городском бюджете: скучный, нужный, обречённый на двести просмотров и ноль комментариев. Рядом стояла кружка с остывшим кофе, которую она забыла выпить ещё час назад. За окном наискосок светилась вывеска аптеки — зеленый крест на желтом фоне, — и снежинки, пролетая мимо, вспыхивали в этом свете бирюзовым.

Светлана потёрла переносицу. Закрыла файл. Открыла снова.

Бюджет не шёл.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела в потолок. Двадцать шесть лет, три года в редакции, семьдесят четыре опубликованных материала — она считала, да, считала каждый, и ощущение, что топчешься на месте, никуда не девалось. Коллеги называли её перспективной, главный редактор Виталий Сергеевич похлопывал по плечу и говорил «молодец, Громова», но молодец сидела у окна в феврале и смотрела на зеленый крест аптеки, потому что бюджет не шёл, а жизнь казалась чуть менее интересной, чем должна была бы.

Телефон лежал на краю стола экраном вниз.

Он завибрировал.

Светлана покосилась. Незнакомый номер, московский. Она такие обычно сбрасывала — реклама, опросы, чушь. Но палец почему-то нажал на зелёную трубку.

— Громова слушает.

— Светлана Андреевна? — Голос был женский, чёткий, с той особенной интонацией, которая бывает у людей, привыкших говорить важные вещи. — Меня зовут Анна Краснова, я представляю организационный комитет проекта «Титаник-2». Вы участвовали в нашей лотерее в октябре прошлого года?

Светлана выпрямилась в кресле.

Участвовала. Конечно, участвовала — заполнила анкету на сайте в три часа ночи, когда не спалось, и лента новостей была полна роликами о том, как в британском доке поднимается из воды нос нового лайнера. Тогда это казалось красивой фантазией — отправить заявку, представить на секунду, что выиграешь, и лечь спать. Она и забыла.

— Участвовала, — сказала она осторожно.

— Поздравляю вас, — произнесла Краснова, и в её голосе не было ни капли театральности — только спокойная, деловая уверенность, от которой у Светланы почему-то встали дыбом волоски на предплечье. — Вы стали победителем нашей лотереи. Вам достался золотой билет на первый рейс лайнера «Атлантик» по историческому маршруту. Билет полностью оплачен, все включено. Рейс отправляется четырнадцатого апреля из Саутгемптона.

Светлана смотрела на зеленый крест за окном.

Снег шёл.

— Простите, — сказала она. — Повторите, пожалуйста.

Краснова повторила. Потом продиктовала номер для подтверждения и сайт, где можно проверить результаты. Разговор длился четыре минуты. Когда он закончился, Светлана положила телефон на стол, посмотрела на него, потом на монитор с недописанным материалом о бюджете, потом снова на телефон.

Потом встала и пошла к кабинету главного редактора.

Она не стучала — просто открыла дверь и остановилась на пороге.

Виталий Сергеевич Панов сидел за столом, держа в одной руке авторучку, в другой чью-то распечатанную статью, и посмотрел на вошедшую поверх очков. Ему было пятьдесят три года, он носил один и тот же серый свитер с четверга по пятницу, пил кофе без сахара и не терпел, когда к нему входили без стука.

— Громова, — сказал он с той интонацией, которая означала сразу и вопрос, и предупреждение.

— Виталий Сергеевич. — Светлана сделала шаг внутрь и закрыла за собой дверь. — Я только что получила звонок из Москвы. Из оргкомитета «Титаника-2».

Панов отложил статью. Авторучка легла рядом.

— И?

— Я выиграла золотой билет…

Несколько секунд он смотрел на неё молча. Потом снял очки, протёр стёкла краем свитера — жест, который Светлана за три года научилась читать безошибочно: так он делал, когда информация требовала отдельной обработки.

— Золотой, — повторил он. — Это который всё включено?

— Да.

— Четырнадцатого апреля?

— Да.

Панов надел очки обратно. Посмотрел на неё. Потом, не говоря ни слова, развернулся к компьютеру, набрал что-то в поисковике, нашёл нужную страницу и несколько секунд читал, слегка наклонив голову вправо.

— Саутгемптон — Нью-Йорк, — произнёс он вполголоса, будто проверял маршрут на слух. — Остановка в месте гибели... Восемь дней в море... — Он обернулся. — Громова, ты понимаешь, что это?

— Понимаю.

— Нет. — Он встал из-за стола, и это было неожиданно — Панов редко вставал во время разговора. — Ты не понимаешь. Это не командировка. Это не репортаж. Это — он поискал слово, — это материал года! Может, материал десятилетия! На борту будут звёзды со всего мира, родственники погибших с «Титаника», церемония в точке катастрофы! — Он прошёл к окну, постоял, повернулся обратно. — Ты должна писать каждый день! Каждый час! Понимаешь? Утром — зарисовка, в обед – промежуточные новости, а вечером — полный материал. Интервью, фотографии, атмосфера. Всё!

— Я на ноутбуке работаю, а он у меня очень старый...

— Забудь про свой ноутбук!

Панов вернулся к столу, выдвинул нижний ящик — тот, который всегда был заперт, — и достал оттуда коробку. Новую, запечатанную, с логотипом яблока на крышке.

Светлана моргнула.

— Редакция купила три месяца назад, — сказал он, ставя коробку на стол между ними. — Ждал момента. Вот этот момент. — Он пристально посмотрел на неё. — Там спутниковая связь на борту есть?

— Должна быть.

— Значит, ты всегда на связи. Материал уходит мне до полуночи по московскому времени, я правлю и выпускаю утром. — Он помолчал. — Это твой шанс, Громова! Не мой — твой. Не упусти!

Светлана смотрела на белую коробку с яблоком.

За окном всё так же шёл снег, и зеленый крест аптеки всё так же мигал сквозь белую кашу. Но что-то — какая-то тонкая плёнка между этим кабинетом и остальным миром — неуловимо изменилась.

— Не упущу, — сказала она.

Глава 2

Новость разлетелась по редакции за двадцать минут.

Светлана не успела дойти до своего стола — её перехватил Дима Чернов из отдела спорта, круглолицый и неугомонный, который всегда первым узнавал чужие новости и последним — свои.

— Громова! — Он шёл ей навстречу через весь опенспейс, уже с телефоном наготове. — Правда, что ли?

— Правда.

— Ни фига себе!!! — Он посмотрел на неё с искренним изумлением. — Я тоже заявку подавал. В ноябре ещё.

— И как?

— Да вот как-то не выиграл, — он развёл руками. — Слушай, ты там Бейонсе увидишь, да? Она точно едет, я читал.

— Дима!

— Что?

— Дай пройти.

Он посторонился, но обернулся вслед:

— Фотку сделай! Для меня лично!

У кофемашины стояла Оля Васильева, редактор отдела культуры, — высокая, с вечно усталым видом человека, который прочитал слишком много пресс-релизов. Она протянула Светлане бумажный стакан — видимо, налила заранее, зная, что та сейчас пройдёт мимо.

— Поздравляю, — сказала Оля без лишних эмоций. — Ты хоть понимаешь, что тебя теперь по всем каналам покажут?

— В смысле?

— В прямом. — Оля отпила из своего стакана. — Золотой билет — это же медийная история. Они наверняка хотят показать победителя. Интервью, съёмка, всё такое. Ты готова к камере?

Светлана не успела ответить — телефон в кармане завибрировал снова. На этот раз номер был местный, знакомый: пермский филиал Первого канала. Она посмотрела на экран, потом на Олю.

— Вот и началось, — сказала Оля.

***

Следующие две недели Светлана почти не помнила потом — они слились в один длинный шумный день, без чётких границ между утром и вечером.

Сначала было интервью на местном телевидении — небольшая студия на Куйбышева, жёсткий стул, слепящий свет софитов и молодой ведущий, который спрашивал «Ну и как вы себя чувствуете?» с таким видом, будто она только что вернулась с Луны. Светлана отвечала ровно, улыбалась в меру, не переигрывала. Панов потом позвонил и сказал «нормально держалась».

Потом был Первый канал — уже по видеосвязи, из редакции, в наспех поправленном макияже. Потом НТВ. Потом какое-то федеральное радио, где ведущий называл её «нашей пермской Золушкой», и Светлана вежливо улыбалась в микрофон, хотя внутри что-то морщилось от этого сравнения.

Между съёмками она читала всё, что могла найти про «Атлантик».

Лайнер строили семь лет — австралийская компания Blue Star Line, та самая, что ещё в начале двухтысячных объявила о намерении воссоздать «Титаник». Проект замораживали дважды, менялись инвесторы, менялась концепция, но в итоге корабль вышел из дока. Длина

— двести восемьдесят метров. Водоизмещение — пятьдесят тысяч тонн. Два класса пассажиров вместо трёх — первый и туристический, без третьего, «из соображений этики», как написал кто-то в пресс-релизе. Максимальная вместимость — тысяча триста человек.

Она читала про оригинальный «Титаник» — перечитывала, точнее, потому что в школе увлекалась этой темой, как увлекаются многие девочки после фильма Кэмерона. Но тогда это была романтика, красивая трагедия с Ди Каприо и Кейт Уинслет. Теперь она читала иначе — профессионально, выписывая факты, даты, имена. Тысяча пятьсот двадцать человек погибших. Две часа сорок минут от столкновения до погружения. Температура воды — минус два градуса.

Минус два.

Она закрыла ноутбук и посмотрела в окно. На улице уже таял снег — февраль перетекал в март, лужи блестели на тротуаре, и воздух пах мокрым асфальтом и чем-то отдалённо весенним.

До четырнадцатого апреля оставалось семь недель.

***

В начале марта Панов вызвал её снова.

На этот раз в кабинете, кроме него, сидел незнакомый мужчина — лет сорока пяти, в тёмном пиджаке, с планшетом на колене. Он встал, когда Светлана вошла, и протянул руку.

— Андрей Воронин, пресс-служба оргкомитета. — Рукопожатие было коротким и твёрдым. — Мы летели из Москвы специально, чтобы познакомиться лично.

Светлана села напротив. Воронин открыл планшет и развернул его к ней — на экране была программа рейса, подробная, с временными метками и названиями мероприятий.

— Расскажите про формат вашей работы на борту, — сказал он. — Нам важно понимать, что именно вы планируете освещать.

— Всё, — сказала Светлана.

Воронин поднял взгляд.

— В смысле — всё? — уточнил он.

— В смысле — всё, что происходит на борту. Атмосфера, люди, церемония, быт. Без согласования с пресс-службой.

Короткая пауза. Воронин посмотрел на Панова. Панов смотрел в окно с таким видом, будто происходящее его не касается.

— Понимаете, — начал Воронин осторожно, — у нас есть определённые договорённости с медиапартнёрами. Ряд тем требует согласования...

— Андрей, — перебила его Светлана, — я выиграла билет в открытой лотерее. Я еду как частное лицо, которое по совместительству является журналистом. У меня нет контракта с вашим оргкомитетом, и я не подписывала никакого соглашения об освещении. — Она улыбнулась — вежливо, без малейшей агрессии. — Поэтому я буду писать то, что буду видеть.

Воронин помолчал. Потом закрыл планшет.

— Мы надеемся на взаимовыгодное сотрудничество, — сказал он тоном человека, который понял, что этот разговор проигран, но не намерен этого признавать вслух.

— Я тоже, — сказала Светлана.

Когда Воронин ушёл, Панов повернулся от окна и посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты это сейчас правильно сделала, — сказал он. — Но имей в виду — они будут пытаться тебя ограничить. Мягко, ненавязчиво, через «не могли бы вы», через «в интересах мероприятия». Не поддавайся.

— Не собираюсь.

— И ещё. — Он взял со стола белый конверт и протянул ей. — Это командировочные. Тебе нужно обновить гардероб. Там будет ужин с капитаном, другие официальные мероприятия, плюс у тебя первый класс - ты должна выглядеть соответственно.

Светлана взяла конверт. Он был неожиданно тяжёлым.

— Виталий Сергеевич, — сказала она.

— Что?

— Спасибо!

Панов уже смотрел в монитор.

— Иди, работай, Громова, — сказал он. — И не трать всё на платья.

***

Она потратила не всё.

Только половину — на длинное тёмно-синее платье с открытой спиной, которое нашла в небольшом магазине на Компросе после трёх часов хождения по торговым центрам. Продавщица сказала «Вы в нём как с картинки!», и Светлана не поверила, но платье купила — потому, что когда надела его в примерочной и посмотрела в зеркало, то поняла, что оно правильное. Не потому, что красивое — хотя оно и было красивым, — а потому, что в нём она чувствовала себя человеком, которому не нужно ничего доказывать.

Оставшееся ушло на чемодан — хороший, твёрдый, тёмно-серый, на четырёх колёсах — и на несколько вещей, которые она тщательно выбирала с оглядкой на восемь дней в море: тёплый кардиган, удобные туфли на небольшом каблуке, непромокаемая куртка. Она читала, что на Атлантике в апреле бывает холодно и ветрено, особенно ближе к северу.

Ближе к северу. Туда, где в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое апреля тысяча девятьсот двенадцатого года, ровно сто тринадцать лет назад, океан поглотил самый знаменитый корабль в истории.

Она думала об этом, укладывая вещи в чемодан. Думала без страха — скорее с тем особым журналистским трепетом, который бывает перед большим материалом: когда знаешь, что тема важная, что она тебя захватит, что ты вернёшься с чем-то настоящим.

Паспорт, ноутбук, зарядки, блокноты — три штуки, она всегда брала несколько, — диктофон, запасные батарейки, крем от ветра, таблетки от морской болезни на всякий случай.

На всякий случай.

Она застегнула чемодан и поставила его у двери.

За окном её небольшой квартиры на Революции шумела апрельская Пермь — капало с крыш, где-то внизу смеялись дети, проехала машина с включённым радио. Обычный вечер обычного города, который она завтра оставит на восемь дней.

Светлана налила себе чаю, села на подоконник и достала телефон. Открыла браузер и набрала в строке поиска: «Атлантик» лайнер пассажиры 2025.

Статьи, фотографии, списки знаменитостей, подтвердивших участие. Она листала медленно, читала внимательно.

На одной из фотографий — сделанной, судя по всему, прямо в доке во время последних приготовлений — лайнер был снят сбоку, в полный рост, и Светлана остановила на ней взгляд.

Он был огромным.

Не просто большим — огромным так, как бывают огромными вещи, которые человеческий глаз не может охватить целиком с одной точки. Тёмно-чёрный корпус, белая надстройка, четыре трубы — точь-в-точь как на архивных снимках оригинала, только те снимки были серыми и зернистыми, а этот был чётким, цветным, и от этого казался каким-то неправильным. Слишком живым для корабля, который должен был остаться историей.

Под фотографией шла подпись: «Атлантик» готов к первому рейсу. Саутгемптон, апрель 2025.

Светлана поставила кружку на подоконник. За окном стемнело, и в стекле отражалась она сама — в старой футболке, с кружкой чая, на фоне тёмной комнаты — маленькая, домашняя, совсем не похожая на человека, который скоро сядет в самолёт и полетит в Лондон.

Она подумала о маме.

Нужно было позвонить — она откладывала это два дня, потому что знала, как пройдёт разговор. Мама жила в Краснокамске, работала в школе учителем математики и относилась к журналистской карьере дочери со сдержанным уважением, которое на самом деле означало сдержанное беспокойство. Когда Светлана ездила в командировки — даже в соседние города, то мама звонила каждый вечер и спрашивала «Ты поела?» таким тоном, будто именно это было главной угрозой.

Она набрала номер.

— Света? — Мама взяла трубку после первого гудка — всегда после первого, сколько Светлана себя помнила. — Ты уже собралась?

— Почти. Мам, всё хорошо!

— Я видела тебя по телевизору, — сказала мама. — В пятницу показывали. Ты хорошо выглядела, только немного бледная. Ты высыпаешься?

— Высыпаюсь.

— И этот корабль... — Мама помолчала. Светлана слышала, как она переходит из кухни в комнату — по звуку шагов, по скрипу паркета, который не менялся со Светланиного детства. — Он надёжный?

— Мам…

— Что «мам»? Я спрашиваю.

— Он новый. Его строили семь лет. Там современная навигация, современное всё. — Светлана помолчала. — Там шлюпок хватит на всех, они специально объявили.

— Ну и слава богу, — сказала мама без тени иронии. — Ты платье взяла?

— Взяла.

— Тёплое что-нибудь?

— Взяла, мам. Кардиган, куртку.

— В Атлантическом океане холодно в апреле, — сказал мама. — Я читала.

— Я знаю. Я тоже читала.

Они помолчали вместе — не неловко, а так, как молчат люди, которым не нужно заполнять паузу словами. Светлана смотрела в тёмное окно на своё отражение.

— Пиши мне, — сказала мама, наконец. — Каждый день хотя бы одно сообщение. Что ты там, что всё хорошо.

— Буду писать.

— И ешь нормально. Там, небось, кормят хорошо, на таком корабле!

— Там ресторанов семь штук, мам!

— Семь, — повторила мама, и в её голосе что-то смягчилось. — Надо же!

Светлана улыбнулась — сама себе, своему отражению в тёмном стекле.

— Всё будет хорошо, — сказала она. — Я напишу большой материал, вернусь и приеду к тебе на выходные.

— Обязательно приезжай! Я пирог сделаю.

— С яблоками?

— С яблоками и корицей. Как ты любишь!

Они попрощались. Светлана положила телефон на подоконник рядом с кружкой и снова посмотрела на фотографию лайнера на экране.

Огромный. Живой. Ненастоящий — и совершенно настоящий одновременно.

Она допила чай, уже холодный, и пошла спать.

Глава 3

Самолёт приземлился в Хитроу в половине восьмого утра по местному времени.

Светлана не спала всю ночь — не от волнения, а от того, что в эконом-классе кресло не откидывалось нормально, сосед слева храпел с методичностью метронома, а сосед справа всю дорогу смотрел боевики, и звук взрывов просачивался сквозь его дешёвые вкладыши наушников тонким злым писком.

Она прилетела с красными глазами, жёстким затылком и твёрдым намерением выпить нормальный кофе до того, как делать что-либо ещё.

Лондон встретил её серым небом и мелким дождём — не ливнем, а той английской моросью, которая не промокает насквозь, но и не даёт забыть о себе ни на минуту. В аэропорту она забрала чемодан, нашла обменник, купила фунты и нашла кофейню у выхода из зала прилёта. Взяла большой капучино, села у окна и просто сидела десять минут, глядя на мокрый асфальт и жёлтые такси.

Потом достала ноутбук и написала первую заметку — короткую, в триста слов, про перелёт, про дождь, про то, что Лондон пахнет влажным камнем и выхлопными газами. Отправила Панову. Через семь минут пришёл ответ: «Хорошо. Давай больше деталей про людей. Кто летел рядом, кто ещё едет на корабль».

Она посмотрела на ответ, потом на зал аэропорта.

Людей было много — утренний рейс, транзит, деловые пассажиры с чемоданами на колёсах и усталыми лицами. Но кое-кого она заметила ещё в самолёте: молодую пару — оба примерно её возраста, оба с одинаковыми бирками на чемоданах, голубыми, с логотипом «Атлантика». Они сидели через проход от неё и всю дорогу держались за руки — даже когда спали, даже когда самолёт трясло над Балтикой.

Она написала про них абзац. Панов написал в ответ: «Вот это правильно».

***

До Саутгемптона она добралась на поезде — два часа от Ватерлоо, мимо мокрых полей и маленьких станций с названиями, которые она не могла произнести с первого раза. За окном Англия была зелёной и тихой, и Светлана смотрела в стекло и думала, что не ожидала такого — не ожидала этой тишины, этой ровной зелени, этого неба, которое здесь было не серым, а скорее молочно-белым, без единого разрыва.

В Саутгемптоне она взяла такси.

— К «Атлантику»? — спросил водитель, немолодой мужчина с густыми белыми бровями, едва она назвала адрес причала.

— Да.

— Все сегодня едут туда. — Он тронул машину. — Третий рейс уже везу. — Пауза. — Сами на борт или провожать?

— На борт.

Он покосился в зеркало заднего вида.

— Повезло вам, — сказал он без зависти — просто констатировал факт. — Я в доке видел его на прошлой неделе. Здоровенный! — Он покачал головой. — Красивый, конечно. Только я бы не поплыл.

— Почему?

Он пожал плечами, не отрывая рук от руля.

— Судьба у этого маршрута нехорошая, — сказал он. — Второй раз ту же дорогу не ходят.

Светлана промолчала. Смотрела в окно.

Саутгемптон был портовым городом — это чувствовалось в самом воздухе: запах воды, соли, мазута, и что-то ещё, неопределимое, то, что бывает только в местах, откуда уходят корабли. Улицы становились шире, потом справа открылась вода — серая, плоская, с белыми гребешками на мелкой волне, — и Светлана выпрямилась в кресле.

А потом увидела его.

Сначала — трубы. Четыре, огромные, кремово-белые с чёрными верхушками, они поднимались над крышами портовых зданий раньше, чем стал виден корпус. Потом, когда такси повернуло на причальную дорогу и здания расступились, она увидела его целиком.

Фотография не передавала ничего.

— Господи, — сказала она вполголоса.

Водитель усмехнулся в усы.

— Вот именно, — сказал он.

Лайнер стоял у причала как город — не как корабль, а именно как город, случайно оказавшийся у воды. Чёрный корпус уходил вдоль причала на сотни метров, и сколько Светлана ни смотрела влево, он не заканчивался — просто продолжался, ровный и непоколебимый, как скала. Белая надстройка ярусами поднималась вверх, и на каждом ярусе были иллюминаторы, леера, шлюпки в чехлах, флаги. Четыре трубы на фоне молочного неба казались неправдоподобными — слишком симметричными, слишком правильными, будто их нарисовал человек, который никогда не видел настоящих кораблей и представлял их по открыткам.

Светлана вышла из такси и встала на причале.

Ветер был сырой и резкий, пах солью и чем-то металлическим. Вокруг шумела толпа — люди с чемоданами, носильщики с тележками, фотографы, операторы с камерами на плечах. Где-то играла музыка — живая, духовой оркестр, и медь звучала чисто и немного торжественно. Несколько человек стояли у ограждения и смотрели на лайнер с задранными головами, и Светлана поймала себя на том, что делает то же самое.

Она достала телефон и сфотографировала трубы снизу вверх. Посмотрела на снимок. Удалила. Никакой телефон не мог передать этот масштаб — разрыв между тем, что видел глаз, и тем, что помещалось в экран, был слишком велик.

Она убрала телефон и просто смотрела.

Глава 4

Регистрация проходила в большом белом терминале у причала — светлом, с высокими потолками и длинными стойками, за которыми работали сотрудники в тёмно-синей форме с золотыми нашивками. Очереди были организованы чётко: первый класс отдельно, туристический отдельно. Светлана встала в очередь первого класса и только сейчас, оглядевшись, начала понимать, кто её окружает.

Слева — немолодая женщина в бежевом пальто, с жемчужным колье и маленькой собакой в переноске. Собака была крошечной и смотрела на мир с видом существа, давно привыкшего к первому классу. Справа — двое мужчин лет тридцати пяти, оба в дорогих куртках, оба с одинаковыми чемоданами «Римова», серебристыми, явно новыми. Они говорили по-английски — быстро, вполголоса, что-то про встречу с каким-то Чарльзом на борту.

За стойкой регистрации девушка в форме проверила паспорт Светланы, нашла её имя в списке, и на её лице промелькнуло что-то — не совсем улыбка, но близко к ней.

— Мисс Громова? — произнесла она с мягким английским акцентом.

— Да.

— Золотой билет. — Она напечатала что-то на клавиатуре. — Добро пожаловать на борт! Вам назначена каюта на палубе «Б», номер шесть. Это наш самый верхний пассажирский уровень. — Она протянула конверт — плотный, кремовый, с тиснёным логотипом «Атлантика». — Здесь ваш ключ, программа рейса и персональное приглашение на ужин с капитаном сегодня вечером. Ваш багаж доставят в каюту в течение часа.

Светлана взяла конверт.

— Спасибо, — сказала она.

— Если понадобится что-либо — любой сотрудник в синей форме к вашему распоряжению. — Девушка улыбнулась — уже по-настоящему, тепло. — Приятного путешествия!

***

По трапу она шла медленно.

Не потому, что спешить было некуда — просто трап был длинным, и с каждым шагом лайнер становился всё более реальным: сначала это был борт внизу и небо вверху, потом появился металл поручней под ладонью — холодный, чуть влажный, — потом запах, который она не ожидала: лака, дерева, чем-то похожим на новую мебель в дорогом магазине.

Она ступила на палубу.

Её встретил молодой стюард — подтянутый, черноволосый, с именным бейджем «Томас» на лацкане — и предложил проводить до каюты. Светлана согласилась, потому что коридоры внутри оказались такими длинными и такими одинаковыми, что она сразу поняла: без помощи заблудится.

Они шли по широкому коридору главной палубы, и Светлана вертела головой, стараясь запомнить всё сразу.

Стены были обшиты светлым деревом — тёплым, с едва заметным рисунком волокна — и через каждые несколько метров в них были вделаны бра в виде старинных корабельных фонарей, бронзовые, с тёплым янтарным светом. Пол застилал ковёр — тёмно-синий с золотым орнаментом, плотный, гасящий шаги. Потолки были высокими, и это тоже было неожиданным — она почему-то представляла корабельные коридоры тесными и низкими, как в кино про подводные лодки.

— Палуба «А» — основные рестораны и бальный зал, — говорил Томас, не оборачиваясь. — Палуба «Б» — ваша: каюты высшего класса и библиотека. Палуба «В» — спа, бассейн, спортивный зал. Ниже — туристический класс и технические помещения. Наверху — открытые палубы, солнечная терраса, бар.

— Сколько всего палуб?

— Девять пассажирских, — сказал Томас. — Плюс три технических.

Они поднялись на лифте — кабина была маленькой, с зеркальными стенами и деревянными поручнями — и вышли на палубе «Б». Здесь коридор был у́же и тише, и ковёр был другим — глубокого бордового цвета, с мелким золотым узором.

Томас остановился у двери с латунной цифрой «6».

— Ваша каюта, мисс Громова.

Он провёл картой по замку, открыл дверь и посторонился.

Светлана вошла и остановилась.

Каюта была больше, чем её пермская квартира.

Нет, не больше, это было бы преувеличением, но первые несколько секунд именно так и казалось. Просторная комната с высоким потолком, двуспальная кровать у дальней стены — широкая, с белоснежным бельём и пятью подушками, выстроенными в аккуратный ряд. Слева — большое окно-иллюминатор, но не круглое, как она ожидала, а прямоугольное, почти в пол, и за ним был виден причал, толпа, кусок неба. Справа — диван тёмно-синего бархата, низкий столик с вазой белых орхидей и бутылкой шампанского в ведёрке со льдом. На столике лежала карточка.

Она взяла карточку. На ней было написано от руки, чётким наклонным почерком: «Добро пожаловать на борт, мисс Громова. С уважением, капитан Эдвард Харрис».

Она положила карточку обратно и прошла дальше.

Вдоль стены встроенный шкаф с зеркальными дверцами, за ними пространство для одежды, деревянные вешалки, маленький сейф. Рядом письменный стол из тёмного дерева с настольной лампой на бронзовой ножке и удобным кожаным креслом. Именно за этим столом она будет работать, она поняла это сразу, физически ощутила, как пальцы сами потянулись к ноутбуку в сумке.

Ванная комната была отдельной и большой: белый мрамор, широкая раковина, зеркало во всю стену, ванна на ножках и душевая кабина со стеклянной дверью. На полочке стояли флаконы с туалетными принадлежностями — все одинаковые, в тёмном стекле с золотыми крышками. Светлана открутила крышку одного, понюхала. Пахло морем и белым мускусом.

Она вернулась в комнату и подошла к окну.

Снаружи всё ещё шумел причал — подъезжали машины, люди тянулись к трапу, оркестр играл что-то бравурное. Светлана смотрела на это через стекло и чувствовала, как что-то внутри медленно перестраивается — как перестраивается слух, когда заходишь из шумной улицы в тихий зал.

Она достала ноутбук. Поставила на письменный стол, открыла, создала новый документ и написала вверху: « «Атлантик». День первый».

Потом смотрела на эти два слова несколько секунд.

Потом начала писать.

Глава 5

Через час в дверь постучали — тихо, двумя ударами. Она открыла: Томас стоял в коридоре рядом с её чемоданом.

— Ваш багаж, мисс Громова. — Он внёс чемодан и поставил у шкафа. — Отплытие через два часа. За тридцать минут до — общий сбор на верхней палубе, традиционные проводы. Ужин с капитаном сегодня в восемь вечера, палуба «А», ресторан «Олимпик». Дресс-код — вечерний.

— Спасибо, Томас.

— Если понадобится помощь с чем-либо — звоните на ресепшн, я дежурю до полуночи. — Он кивнул и вышел, бесшумно закрыв дверь.

Светлана посмотрела на чемодан, потом на часы. Два часа достаточно, чтобы разобрать вещи, привести себя в порядок и успеть на верхнюю палубу до отплытия.

Она расстегнула чемодан.

Развешивала вещи методично, как всегда в командировках: сначала то, что мнётся, потом остальное. Платье повесила отдельно, в самый дальний угол шкафа, чтобы не думать о нём до вечера. На полку положила блокноты — все три, в ряд, — диктофон, запасные батарейки. Рядом поставила таблетки от морской болезни и подумала, нужны ли они ей вообще: море за окном было спокойным, почти неподвижным.

Потом встала под душ.

Горячая вода шла с хорошим напором, и она простояла под ней дольше, чем планировала, — смывала перелёт, бессонную ночь, запах аэропорта. Шампунь пах тем же белым мускусом, что и флаконы на полочке, и это было странно приятно — запах корабля уже становился своим.

Она вышла из душа, намотала полотенце, встала перед большим зеркалом.

На неё смотрела женщина с мокрыми тёмными волосами, серыми глазами и лёгкими тенями под ними от бессонной ночи. Светлана провела пальцем под левым глазом, вздохнула и пошла за косметичкой.

***

На верхнюю палубу она вышла за двадцать пять минут до отплытия.

Народу было уже много — люди стояли вдоль лееров, облокачивались на поручни, фотографировали причал с высоты. Ветер здесь был сильнее, чем внизу, — влажный, солёный, он трепал волосы и забирался под куртку. Светлана застегнула молнию до подбородка и протиснулась к лееру.

Внизу, на причале, стояла толпа провожающих — сотни людей с флажками, с цветами, с телефонами, поднятыми над головами. Оркестр играл теперь что-то другое — медленнее, торжественнее. Кто-то внизу держал плакат, но с такой высоты она не могла прочитать, что на нём написано.

Рядом с ней у лееров стояли двое — мужчина и женщина, явно пара, оба лет пятидесяти, оба в одинаковых пуховиках. Женщина плакала — не громко, просто вытирала щёки тыльной стороной ладони и смотрела вниз. Мужчина держал её за руку.

— Простите, — сказала Светлана негромко. — Вы не против, если я встану рядом?

Мужчина обернулся. У него было открытое, немного обветренное лицо и светлые глаза.

— Пожалуйста, — сказал он по-русски с лёгким акцентом — не совсем русским, что-то прибалтийское в интонации.

— Вы тоже из России?

— Из Эстонии. — Он чуть улыбнулся. — Но по-русски говорю. — Он кивнул на женщину рядом. — Моя жена. У неё прабабушка плыла на«Титанике».

— Она выжила?

— Да. Была совсем молодая, восемнадцать лет. Плыла в третьем классе. — Он помолчал. — Выжила, потом уехала в Эстонию, прожила до девяноста двух лет. Но никогда не рассказывала про ту ночь. Никому — ни детям, ни внукам. Только в самом конце, незадолго до смерти, сказала бабушке жены одну фразу.

— Какую? — спросила Светлана.

Он помолчал секунду.

— «Вода была чёрная». — Он произнёс это тихо, без выражения, как цитату. — Больше ничего. Просто: вода была чёрная.

Светлана смотрела вниз, на причал, на толпу, на оркестр.

— Я журналист, — сказала она. — Можно я запишу это?

Мужчина посмотрел на неё, потом на жену. Та уже не плакала — слушала их разговор, держа мужа за руку.

— Пишите, — сказала женщина по-русски — тихо, но твёрдо. — Пусть люди знают.

Светлана достала блокнот.

***

Отплытие началось без объявления — просто в какой-то момент внизу убрали трап, потом канаты, толпа на причале качнулась и загудела. Оркестр грянул громче. Кто-то рядом со Светланой закричал — радостно, протяжно, — и крик подхватили другие, и через несколько секунд вся верхняя палуба кричала и махала руками вниз, и люди на причале махали в ответ, и флажки мелькали в воздухе, и чья-то шляпа слетела с головы и поплыла вниз, и её хозяин хохотал, перегнувшись через леер.

Светлана не кричала.

Она стояла, держала блокнот под мышкой и смотрела, как причал начинает медленно, почти незаметно поначалу, отдаляться. Сначала можно было различить отдельные лица в толпе, потом только цветные пятна курток, потом просто толпу, потом причал целиком, потом город — портовые краны, крыши, шпили, серое небо над ними.

Лайнер разворачивался медленно и величественно, как разворачивается что-то, привыкшее к тому, что для него освобождают пространство.

Вода за кормой вспенилась белым.

Эстонец рядом что-то сказал жене — тихо, по-эстонски. Она кивнула и прислонила голову к его плечу. Светлана посмотрела на них и отвела взгляд.

Она достала телефон и позвонила маме.

— Мы отплываем, — сказала она, когда мама взяла трубку.

— Уже? — В голосе мамы было то особое напряжение, которое она всегда тщательно скрывала и которое Светлана всегда слышала насквозь.

— Уже. Всё хорошо. Корабль огромный и красивый, каюта как в кино, шампанское в ведёрке со льдом.

— Шампанское утром?

— Я не пила, мам. Оно просто стоит.

— А, ну хорошо. — Пауза. — Холодно там?

— Ветрено. Но я в куртке.

— Застёгнута?

— До подбородка.

Мама помолчала. Светлана слышала, как она дышит — ровно, стараясь дышать ровно.

— Пиши мне, — сказала мама наконец.

— Каждый день. Обещаю!

Она убрала телефон и снова посмотрела на удаляющийся берег. Саутгемптон уменьшался, таял в сером воздухе, и уже нельзя было различить ни оркестр, ни толпу, ни отдельные

здания — только полоса суши, тёмная на фоне неба, и над ней — белые чайки, которые летели за кормой, не отставая.

Потом и полоса исчезла.

Остался только океан.

***

Она спустилась с палубы через полчаса — когда берег окончательно скрылся и толпа начала расходиться, разбредаясь по коридорам, ресторанам, каютам. Ветер к тому времени усилился, и стоять у лееров стало по-настоящему холодно.

В коридоре палубы «А» было тепло и людно. Открытые двери ресторанов манили запахом кофе и свежей выпечки — лайнер уже начинал свою внутреннюю жизнь, спокойную и хорошо отрегулированную, как часовой механизм.

Светлана шла по коридору, оглядываясь. Мимо прошла женщина с маленькой девочкой лет пяти — девочка тащила за руку плюшевого медведя и смотрела на всё вокруг огромными глазами. Навстречу шли двое мужчин в одинаковых спортивных костюмах — явно направлялись в спортзал. Из-за приоткрытой двери одного из ресторанов донёсся чей-то смех — громкий, узнаваемый.

Светлана остановилась.

Заглянула в дверь.

За большим круглым столом у окна сидели четверо. Троих она не знала — точнее, не была уверена. Но четвёртого узнала сразу: Антон Рябов, телеведущий федерального канала, которого показывали в каждом втором вечернем эфире. Он был в белой рубашке с расстёгнутым воротником, с бокалом в руке, и смеялся — запрокинув голову, широко, так, как смеются люди, которые знают, что на них смотрят, и которым это нравится.

Рядом с ним сидела женщина, которую Светлана тоже узнала — чуть позже, на долю секунды: Вика Соколова, певица, которую последние два года не убирали с обложек. Молодая, очень красивая, с тем особым видом человека, который привык к тому, что его фотографируют, — спина прямая, подбородок чуть приподнят, даже когда просто сидит за столом и пьёт кофе.

Светлана достала блокнот и записала: «Рябов, Соколова. Первый класс, ресторан на палубе А. 11:40. Уже с бокалами.»

Потом убрала блокнот и пошла дальше.

Бальный зал она нашла случайно — повернула не туда, оказалась в широком проходе и вдруг увидела его через стеклянные двери.

Она толкнула дверь и вошла.

Зал был пуст — до вечера ещё далеко, — и от этого казался ещё больше. Потолок уходил вверх на два яруса, с него свисали три огромные люстры — каждая как маленькое дерево из хрусталя и бронзы, — и свет из иллюминаторов падал на паркетный пол косыми полосами. Вдоль стен стояли столы, накрытые белыми скатертями, в центре было свободное пространство для танцев. На небольшом возвышении в дальнем конце — рояль. Чёрный, с поднятой крышкой, явно не декорация.

Светлана прошла через весь зал, не торопясь.

Её шаги звучали по-другому здесь — иначе, чем в коридоре. Зал поглощал звук и одновременно удваивал его, и она слышала эхо собственных каблуков.

Она подошла к роялю и остановилась. Провела пальцем по краю крышки — полировка была безупречной, ни пятнышка. Клавиши белые, чистые.

Она умела играть — немного, уровень музыкальной школы, которую бросила в двенадцать лет. Но сейчас она не стала нажимать ни одной клавиши — просто стояла и смотрела на рояль.

За иллюминаторами медленно проплывала серая вода.

***

Обед она взяла в небольшом кафе на палубе «А» — не в главном ресторане, а в маленьком, похожем на обычную городскую кофейню: деревянные столики, открытые полки с книгами, грифельная доска с меню. Взяла суп и сэндвич, устроилась у окна с ноутбуком.

Писала два часа.

Материал шёл легко — может, потому что всё вокруг было слишком живым и конкретным, чтобы искать слова. Она писала про причал, про оркестр, про эстонскую пару, про фразу «вода была чёрная». Писала про бальный зал и рояль. Про Рябова с бокалом в одиннадцать сорок утра. Про девочку с медведем.

Отправила Панову в половине третьего.

Он ответил через двадцать минут: «Про воду — это сильно. Остальное тоже хорошо. Про звёзд побольше пиши, читатели такое любят. Вечером у тебя ужин с капитаном, жду полный материал.»

Она закрыла ноутбук и посмотрела в окно.

Океан за стеклом был серым и спокойным, горизонт сливался с небом так ровно, что казалось — лайнер идёт не по воде, а по воздуху, в пространстве без верха и низа, где есть только движение вперёд.

Она налила себе кофе из маленького термоса, который стоял на столике, и вдруг услышала голос — негромкий, мужской, по-английски, с той особой интонацией, которая бывает у людей, говорящих по телефону в общественном месте и при этом старающихся не мешать окружающим.

— Да, я уже на борту. Всё нормально. — Пауза. — Нет, завтра. Церемония послезавтра. — Ещё пауза, длиннее. — Бабушка, я справлюсь. Правда. — Голос стал чуть тише, чуть мягче. — Я знаю. Я помню. Я обязательно расскажу тебе всё.

Светлана невольно обернулась.

За соседним столиком сидел мужчина. Лет тридцати двух — тридцати трёх, не больше. Сидел вполоборота к окну, телефон держал у уха, локоть опирался на стол. Светлые волосы, немного длиннее, чем принято у деловых людей, — не небрежно, а именно так, будто он просто не придавал этому значения. Джемпер тёмно-серый, простой. На столе перед ним — чашка чая и раскрытая книга, лежащая страницами вниз.

Он убрал телефон, посмотрел в окно.

Потом, почувствовав взгляд, обернулся.

Светлана не отвела глаза — она вообще не умела делать вид, что не смотрела, это было её профессиональным недостатком и одновременно достоинством.

— Извините, — сказала она по-английски. — Я не хотела подслушивать.

Он чуть качнул головой — не осуждающе, скорее как человек, который привык, что его слышат.

— Ничего страшного, — сказал он. И после короткой паузы, с лёгким удивлением: — Вы русская?

— Да. — Она чуть удивилась в ответ. — Слышно?

— Акцент. Совсем немного. — Он перешёл на русский — чистый, почти без акцента, только чуть медленнее, чем говорят те, для кого это родной язык. — Я учил в университете. Три года.

— Хорошо учили.

— Старался. — Он взял чашку, сделал глоток. — Марк. Марк Хэллоуэй.

— Светлана Громова.

Она не протягивала руку — между столиками было неудобно, — и он тоже не протянул. Просто кивнул, как кивают люди, которым не нужно подкреплять знакомство рукопожатием.

— Вы сказали «церемония послезавтра», — произнесла Светлана. — Вы из тех, кто плывет к месту гибели?

Он посмотрел на неё внимательно — не настороженно, а оценивающе, с той спокойной прямотой, которая бывает у людей, привыкших смотреть на вещи, как они есть.

— Мой прадед погиб на «Титанике», — сказал он. — Джон Хэллоуэй. Ему было двадцать девять лет. Плыл из Саутгемптона в Нью-Йорк — там он собирался открыть небольшое дело, но не открыл.

— Мне очень жаль.

— Это было сто тринадцать лет назад, — сказал он — не резко, просто констатируя факт. — Но моя бабушка, правнучка его сестры, до сих пор держит его фотографию на комоде. Каждый год, четырнадцатого апреля, ставит рядом свечу.

Светлана смотрела на него.

— Я журналист, — сказала она. — Пишу для российской газеты. Цикл материалов об этом рейсе. — Она помолчала. — Если вы не против, я хотела бы записать то, что вы рассказали. Не сейчас, если неудобно. Но в какой-то момент. Мне важно, чтобы люди помнили не только цифры, не только факты, а людей. Конкретных людей.

Марк смотрел на неё несколько секунд.

— Почему? — спросил он. — Почему это важно для вас? Вы же не...

— Не связана с этой историей лично? — закончила она. — Нет. Но я думаю, что именно поэтому и важно. Те, кто связан, несут это в себе и без статей. А остальные забывают. — Она взяла кружку. — Я хочу, чтобы не забывали.

Марк помолчал. Потом взял книгу со стола — она увидела обложку: что-то про историю трансатлантических маршрутов — и закрыл её.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу вам про Джона Хэллоуэя. Но не сегодня. Сегодня я ещё не готов.

— Когда будете готовы.

Он кивнул. Посмотрел в окно на серую воду.

— Вы выиграли золотой билет, — сказал он вдруг. — Я видел репортаж. Вы из Перми, да?

Светлана чуть подняла бровь.

— Видели?

— Бабушка смотрела новости про рейс каждый день последние полгода. — Он чуть улыбнулся — впервые за весь разговор, и улыбка была неожиданно тёплой, немного застенчивой, совсем не такой, какой она могла бы ожидать от этого спокойного, немного закрытого лица. — Я невольно смотрел вместе с ней. Вы там говорили про то, что хотите написать честно. Я запомнил.

— Честно — это всё, что я умею делать, — сказала Светлана.

— Это редкость, — сказал Марк. — Для журналиста особенно.

— Вы не любите журналистов?

— Я осторожен с ними. — Он снова посмотрел в окно. — Ваши братья по перу разные бывают.

— Бывают, — согласилась она. — Я постараюсь не разочаровать.

Он ничего не ответил — просто взял чашку, допил чай и поставил на блюдце. За иллюминатором медленно проплывал горизонт — ровный, серый, бесконечный.

Светлана открыла ноутбук и сделала вид, что работает. Марк открыл книгу. Они сидели за соседними столиками и молчали, и это молчание было неожиданно лёгким — не неловким, а просто тихим, как бывает тихо между людьми, которым не нужно заполнять пространство словами с первой же встречи.

Через полчаса Марк встал, убрал книгу под мышку.

— Светлана, — сказал он.

Она подняла взгляд.

— Ужин с капитаном сегодня вечером. Вы приглашены?

— Да.

— Тогда до вечера.

Он вышел. Она смотрела ему вслед — секунду, не больше, потом опустила взгляд на экран.

Курсор мигал в пустой строке.

Она написала: «Марк Хэллоуэй. Прадед — Джон, 29 лет, погиб. Бабушка до сих пор ставит свечу. Каждый год, четырнадцатого апреля.»

Потом остановилась и просто смотрела на эти слова.

***

После обеда она пошла гулять по кораблю — целенаправленно, с блокнотом, как ходят по незнакомому городу, когда хотят его понять.

На палубе «А» в главном ресторане уже накрывали к вечеру — официанты в белых перчатках раскладывали приборы, расставляли бокалы, и каждый бокал ставили с той точностью, которая бывает только у людей, делающих это тысячи раз. На открытой солнечной террасе группа молодых людей делала селфи на фоне океана — громко, весело, один из них почти уронил телефон за борт и остальные закричали хором.

В библиотеке на палубе «Б» было тихо.

Светлана вошла и остановилась у порога.

Небольшая комната с низкими потолками и стенами от пола до потолка занятыми книгами. Два кожаных кресла у окна, торшер с тёплым светом, маленький столик с шахматной доской — фигуры расставлены, будто партия прервалась на середине. Пахло старой бумагой и чем-то деревянным.

В одном из кресел сидела женщина.

Очень пожилая — лет восьмидесяти пяти, не меньше. Маленькая, сухая, с белыми волосами, собранными в аккуратный узел. Она держала на коленях раскрытую книгу, но не читала — смотрела в иллюминатор на воду, и взгляд у неё был такой, будто она видит что-то, чего нет за этим стеклом.

Светлана тихо выбрала книгу с полки — первую попавшуюся — и села во второе кресло.

Они помолчали несколько минут. Потом женщина, не отворачиваясь от окна, сказала по-английски:

— Вы русская.

— Да, — сказала Светлана, удивившись. — Откуда вы знаете?

— Духи. — Женщина чуть повернула голову. — Французские, но русские женщины носят их иначе. Щедрее. — Тонкие губы тронула улыбка. — Я прожила достаточно долго, чтобы различать.

— Меня зовут Светлана.

— Маргарет Коллинз. — Она, наконец, повернулась, и Светлана увидела её лицо — очень морщинистое, очень живое, с тёмными глазами, которые смотрели прямо и без скидок на возраст. — Вы журналист. Я видела вас с блокнотом в коридоре.

— Вы наблюдательны.

— В моём возрасте наблюдение — единственный спорт, который ещё доступен. — Она закрыла книгу на коленях. — Вы хотите спросить, зачем я здесь.

— Хочу, — призналась Светлана. — Если вы готовы рассказать.

Маргарет помолчала. Посмотрела снова в иллюминатор — на серую воду, на горизонт.

— Моя мать плыла на «Титанике», — сказала она наконец. — Ей было семь лет.

Светлана не пошевелилась.

— Она выжила, — продолжала Маргарет. — Её звали Элис. Элис Коллинз — тогда Элис Мёрфи, по отцу. Они плыли из Куинстауна, это Ирландия, третий класс. Отец, мать, двое детей — Элис и её братик Томми, пяти лет.

Она остановилась. Пальцы на обложке книги чуть сжались.

— Они добрались до шлюпки, — сказала она тихо. — Мать, то есть моя бабушка, успела посадить детей. А потом шлюпку начали спускать, и она... не успела. Осталась на борту. — Маргарет произнесла это ровно, без надлома, голосом человека, который рассказывал это много раз — и каждый раз заново учился произносить эти слова. — Элис видела, как мать стоит у борта и смотрит на них. Просто стоит и смотрит. Не кричит, не машет. Просто смотрит.

За иллюминатором была вода. Светлана слышала своё дыхание.

— Томми умер через три дня после спасения, — продолжала Маргарет. — Переохлаждение. Он был маленький и слабый, и той ночью в шлюпке было очень холодно. Элис осталась одна. Семь лет, ни отца, ни матери, ни брата.

Она замолчала.

— Простите, — сказала Светлана вполголоса. — Я даже не знаю, что говорят в таких случаях.

— Ничего не говорят, — сказала Маргарет просто. — Ничего достаточного нет. — Она посмотрела на Светлану. — Вы хотите записать?

— Если можно.

— Можно. Я именно для этого и рассказываю — всем, кто готов слушать. Мама умерла в девяносто четыре года, в Бостоне. До последнего дня она помнила лицо матери у борта. Говорила мне: «Марджи, она не плакала. Она просто смотрела, чтобы я запомнила её лицо». — Маргарет прикрыла глаза на секунду. — Я думаю, она была права. Бабушка смотрела именно для этого.

Светлана писала в блокноте и чувствовала, как рука чуть дрожит — совсем немного, но дрожит.

Маргарет открыла глаза. — Знаете, что она говорила в последние годы? Что больше всего жалеет не о той ночи. А о том, что никогда не вернулась посмотреть на это место. Боялась. Всю жизнь боялась воды — не панически, просто... не могла смотреть на открытое море без того, чтобы не видеть ту ночь.

—А вы не боитесь? — спросила Светлана. — Плыть сюда?

Маргарет посмотрела на неё с чем-то похожим на удивление — мягкое, доброе.

— Мне восемьдесят семь лет, деточка, — сказала она. — Я боюсь очень немногого. — Она снова повернулась к иллюминатору. — Я приехала вместо Мамы. Она не смогла — я смогу. Опущу венок за неё. За бабушку. За Томми. — Голос её не дрогнул, но что-то в нём стало иным — тише, глубже, как вода, которая уходит вниз. — Семь лет ей было. А Томми пять.

Светлана перестала писать.

Она сидела и смотрела на эту маленькую прямую женщину в кожаном кресле, которая смотрела в иллюминатор и не плакала — не потому что не чувствовала, а потому, что за восемьдесят семь лет научилась нести это иначе, без слёз, внутри, как носят что-то очень тяжёлое и очень своё.

— Маргарет, — сказала Светлана. — Можно я напишу о вас? В российской газете. Я хочу, чтобы люди, обычные люди, находящиеся далеко отсюда, знали про Элис. Про Томми. Про вашу бабушку у борта.

Маргарет помолчала.

— Вы напишете честно? — спросила она.

— Обещаю!

— Тогда пишите. — Она кивнула — коротко, как ставят точку. — Мама всегда говорила, что самое страшное это не сама смерть. Самое страшное это когда забывают. Когда человек уходит дважды: сначала из жизни, потом из памяти.

Светлана записала это слово в слово.

Они ещё помолчали — хорошим молчанием, наполненным. За иллюминатором вода потемнела: небо затянуло плотнее, и океан отражал его точь-в-точь — серый в серое.

— Расскажите мне ещё что-нибудь про вашу маму, — попросила Светлана. — Не про ту ночь. Про неё саму. Какой она была?

Маргарет чуть повернула голову — и впервые за весь разговор на её лице появилось что-то тёплое, живое, не связанное с горем.

— Она была упрямой, — сказала она. — Невероятно упрямой. Это, наверное, её и спасло тогда — ее воля. — Маргарет чуть усмехнулась. — Она всю жизнь пила чай только из фарфоровых чашек. Говорила, что из других невкусно. В войну, когда всего не хватало, всё равно берегла одну фарфоровую чашку — спрятала ту на дне чемодана, завернула в шерстяной носок. Чашка пережила войну. Мама пережила войну. Обе целые.

— Она вышла замуж?

— Дважды. — Маргарет произнесла это с лёгкой иронией. — Первый муж умер рано. Второй — Патрик Коллинз, мой отец — прожил с ней сорок три года. Хороший был человек. Терпеливый. — Пауза. — С мамой нужно было терпение.

— Дети были, кроме вас?

— Трое. Я от второго брака, средняя. — Маргарет провела пальцем по обложке книги на коленях. — Она никогда не рассказывала нам про «Титаник». Мы узнали случайно — когда мне было лет двенадцать, нашли в её шкатулке вырезку из газеты. Старую, пожелтевшую. Список выживших, и там её имя — «Alice Murphy, 7, Ireland.» Я спросила. Она долго молчала. Потом сказала: «Это было очень давно и очень холодно. Больше не спрашивай».

— И вы не спрашивали?

— Не спрашивала. — Маргарет покачала головой. — Двадцать лет не спрашивала. А потом, когда мне было уже за тридцать и у меня самой росли дети, вот тогда она сама начала рассказывать. Понемногу, маленькими кусочками. Как будто всю жизнь несла этот груз одна, а потом решила, что пора поделиться. — Она помолчала. — Я думаю, она ждала, пока я стану достаточно взрослой, чтобы выдержать.

Светлана опустила блокнот на колено.

— Что вы чувствуете сейчас? — спросила она тихо. — Когда плывёте по тому же маршруту?

Маргарет долго молчала. Смотрела в иллюминатор, и что-то в её профиле — в этой прямой спине, в этих тонких сжатых губах — было похоже на человека, который стоит на ветру и не сгибается не потому что не чувствует ветра, а потому что давно научился стоять именно так.

— Я чувствую, что делаю правильное дело, — сказала она наконец. — Мама не смогла вернуться. Я возвращаюсь за неё. — Пауза. — И ещё... — Она остановилась, подбирая слова — медленно, тщательно, как подбирают что-то хрупкое. — Ещё я чувствую её рядом. Это, наверное, звучит странно.

— Нет, — сказала Светлана. — Не звучит.

Маргарет посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом.

— Вы хороший человек, — сказала она. — Для журналиста.

— Это комплимент?

— Это наблюдение. — Маргарет снова открыла книгу. — Идите работать, деточка. И напишите хорошо. Не жалостливо, а просто хорошо. Моя мама терпеть не могла жалости.

Светлана встала, убрала блокнот.

— Маргарет, — сказала она у двери. — Спасибо.

Старая женщина не обернулась — просто смотрела в книгу, или делала вид, что смотрит.

— Это вам спасибо, — сказала она. — Что спросили. Многие не спрашивают. Смотрят и проходят мимо.

Светлана вышла в коридор и прислонилась спиной к закрытой двери.

Постояла так секунду. Две. Три.

Потом достала блокнот и дописала внизу страницы, быстро, пока не забыла точные слова: «Самое страшное — когда забывают. Человек уходит дважды: сначала из жизни, потом из памяти». Элис Коллинз, 7 лет, Куинстаун, третий класс. Выжила. Томми Мёрфи, 5 лет. Не выжил.

Она закрыла блокнот.

В коридоре было тихо и тепло, бронзовые фонари на стенах светили всё тем же янтарным светом, ковёр под ногами был всё тем же тёмно-бордовым, и всё это — эта уютная корабельная обстановка — вдруг показалась ей странно неуместной. Слишком красивой. Слишком спокойной. Рядом с тем, что она только что услышала.

Она пошла по коридору. Медленно.

***

Его она встретила на переходе между палубами — в той широкой галерее с панорамными окнами, где коридор делал изгиб и открывался вид сразу на оба борта. Немолодой мужчина, лет шестидесяти пяти, невысокий, в тёмном пиджаке, стоял у окна и смотрел на воду. В руке держал фотографию — небольшую, старую, в пластиковом файле.

Светлана замедлила шаг.

Он обернулся — почувствовал, что кто-то остановился рядом.

— Простите, — сказала она. — Я не хотела мешать.

— Не мешаете. — Голос был негромкий, с южным русским акцентом. — Я сам тут стою уже полчаса.

— Вы из России?

— Из Ростова. — Он чуть повернулся. У него было усталое, доброе лицо — из тех лиц, которые много видели и давно перестали удивляться, но не перестали чувствовать. — Виктор Соловьёв. Можно просто Виктор.

— Светлана. Я журналист, пишу о рейсе. — Она кивнула на фотографию в его руках. — Если хотите — можете не рассказывать. Но если хотите — я слушаю.

Виктор посмотрел на фотографию. Потом на Светлану.

— Это мой прадед, — сказал он. — Николай Соловьёв. Он был инженером. Ехал на «Титанике» из Саутгемптона — через Нью-Йорк планировал перебраться в Канаду, там была работа. Хорошая работа, большие деньги по тем временам. Ему было тридцать четыре года.

Он протянул Светлане фотографию.

Она взяла осторожно. Снимок был старым — чёрно-белым, немного размытым по краям. Молодой мужчина в форменном пиджаке, с ровным пробором, смотрел в объектив серьёзно и чуть напряжённо — так смотрят люди, которые не привыкли фотографироваться и не знают, куда девать руки. Руки он держал по швам.

— Красивый, — сказала Светлана тихо.

— Мой дед говорил, что он очень любил смеялся. — Виктор забрал фотографию, снова посмотрел на неё. — Понимаете, это смешно звучит, но в семье это было главное, что о нём помнили. Не то, что инженер, не то, что умный. А то, что любил смеялся громко, заразительно. Дед его никогда не видел — родился уже после. Но прабабка рассказывала. Говорила: войдёт в комнату — и сразу становится светлее.

Светлана достала блокнот.

— Можно записать?

— Пишите. — Виктор убрал фотографию во внутренний карман пиджака, бережно, как убирают что-то живое. — Прабабка его ждала три года. Не верила официальным спискам. Думала — может, выплыл, может, в Канаду добрался, может, просто весточка не дошла. Три года писала письма — в американское консульство, в канадское, в Красный Крест. Везде один ответ: погиб.

— Как её звали?

— Анна. Анна Соловьёва, в девичестве Крылова. Ей было двадцать шесть лет, когда он уплыл. И трое детей. Старшему пять, младшему год и два месяца.

Светлана писала, не поднимая головы.

— Она всю жизнь прожила одна, — продолжал Виктор. — Замуж больше не вышла. Соседи говорили — зря, молодая ещё, красивая. А она отвечала: «Я уже замужем». — Он помолчал. — До девяноста одного года дожила. Детей подняла, внуков дождалась, правнуков. Меня на руках держала, я помню — руки у неё были маленькие и очень тёплые. — Он посмотрел в окно. — Она никогда не плакала при нас, когда говорила про Николая. Только однажды — я был маленький совсем, лет шесть, наверное, — спросил её: «Прабабушка, а ты скучаешь по прадедушке?» И она вдруг так... не заплакала даже — просто лицо у неё стало другим. Как будто за ним, за этим лицом, что-то очень большое. Она обняла меня и сказала: «Каждый день, Витенька. Каждый день».

Светлана перестала писать.

Виктор молчал. Смотрел в окно на воду, которая была серой и тяжёлой, и горизонт давил на неё сверху таким же серым небом, и казалось, что между ними нет никакого разрыва — только бесконечная тёмная масса воды, уходящая в глубину.

— Вы привезли фотографию, чтобы опустить на воду? — спросила Светлана тихо.

— Нет. — Виктор покачал головой. — Фотография одна, она мне нужна. Я привёз письмо. Анна написала его в пятнадцатом году — то есть через три года после гибели, когда, наконец, поверила. — Он похлопал себя по другому карману. — Написала ему всё, что не успела сказать. Про детей, про то, как они растут, про то, как скучает. Никому никогда не показывала — нашли после её смерти в шкатулке, под фотографией. Конверт запечатанный, адрес написан: «Николаю Соловьёву. Туда, где он теперь есть».

Светлана смотрела на него.

— Я опущу его на воду, — сказал Виктор просто. — Там, в точке гибели. Сто лет с лишним шло письмо — ничего, теперь дойдёт.

Он произнёс это без пафоса, без театральности — спокойно, как говорят о решённом деле. И именно эта спокойная простота ударила Светлану сильнее любых слёз.

Она опустила взгляд в блокнот. Буквы немного расплывались. Она моргнула.

— Виктор, — сказала она, не поднимая головы, — я хочу написать про Николая и Анну. В российской газете. Хочу, чтобы люди в России — в Перми, в Москве, в Ростове, везде — знали эту историю.

Виктор долго молчал.

— Знаете, что самое странное? — сказал он наконец. — Я всю жизнь думал, что это наша семейная история. Личная. Что она только нам принадлежит. — Он провёл рукой по стеклу иллюминатора — жест машинальный, бессознательный. — А потом я начал читать про других — про все эти тысячи семей, которые так же ждали, так же писали письма, так же держали фотографии. И понял, что это не личная история. Это общая. Просто у каждого она своя внутри.

— Именно так, — сказала Светлана.

— Тогда пишите. — Он кивнул. — Пусть читают. Пусть знают, что был такой Николай Соловьёв из Ростова, который смеялся так, что в комнате становилось светлее. И была Анна, которая ждала его каждый день, до девяноста одного года.

Светлана закрыла блокнот.

Они постояли ещё немного рядом у окна — два человека, которые познакомились двадцать минут назад и которым сейчас не нужно было ничего говорить. За стеклом вода была тёмной и холодной, и где-то там, в глубине — на глубине почти четырёх километров — лежал корабль. И с ним — тысяча пятьсот двадцать человек, у каждого из которых было имя. И кто-то, кто ждал.

— Пойду, — сказал Виктор. — Надо переодеться к ужину. — Он чуть улыбнулся. — Ужин с капитаном. Первый раз в жизни буду ужинать с капитаном!

— Я тоже, — сказала Светлана.

— Ну и хорошо. — Он протянул руку. — Приятно было познакомиться! И не забудьте написать историю моей семьи!

— Напишу, — пообещала она. — Обязательно.

Он ушёл по коридору — неторопливо, чуть сутулясь, с рукой во внутреннем кармане пиджака, там, где лежало письмо. Светлана смотрела ему вслед, пока он не повернул за угол.

Потом повернулась к окну.

Вода за стеклом была тёмной и живой — она двигалась, дышала, меняла оттенки от серого к почти чёрному и обратно. Светлана стояла и смотрела на неё, и думала про Анну, которая писала письмо в пустоту и запечатывала конверт, зная, что ответа не будет. Про Элис, которая семь лет сидела в шлюпке и смотрела на мать у борта. Про Джона Хэллоуэя, которому было двадцать девять и который так и не открыл своё дело в Нью-Йорке.

Про всех них.

Она достала телефон и написала Панову: «Есть три истории. Очень сильные. Сегодня после ужина пришлю.»

Ответ пришёл почти сразу: «Жду.»

***

В каюту она вернулась в половине шестого.

До ужина оставалось полтора часа. Она села за письменный стол, открыла ноутбук и начала писать — быстро, пока всё было живым и тёплым внутри, пока голоса ещё звучали точно и слова не успели остыть.

Она писала про Маргарет и Элис первой.

«Маргарет Коллинз, восемьдесят семь лет, Бостон. Сидит в библиотеке корабля и смотрит в иллюминатор на воду. Маленькая, прямая, с белыми волосами и тёмными глазами, которые смотрят без скидок на возраст. Её мать — Элис Мёрфи — плыла на «Титанике» в апреле 1912 года. Ей было семь лет.»

Она писала и не останавливалась. Про фарфоровую чашку, которую Элис везла через войну в шерстяном носке. Про Томми, которому было пять и который не пережил холода той ночи. Про бабушку у борта, которая не кричала и не махала руками — просто смотрела, чтобы дочь запомнила её лицо.

Потом писала про Виктора и Николая.

«Виктор Соловьёв приехал из Ростова. Во внутреннем кармане пиджака у него лежит письмо. Его написала Анна Соловьёва в 1915 году — через три года после того, как перестала ждать. На конверте адрес: «Николаю Соловьёву. Туда, где он теперь есть». Послезавтра Виктор опустит это письмо на воду в точке гибели «Титаника». Сто лет с лишним шло письмо — ничего, дойдёт.»

Она напечатала эту фразу — его фразу, не свою — и остановилась.

Перечитала.

Потом написала дальше — про Анну, которая отвечала соседям «я уже замужем» и прожила так до девяноста одного года. Про маленького Витеньку шести лет, который спросил

«ты скучаешь?» — и про лицо, за которым было что-то очень большое. Про «каждый день, Витенька. Каждый день».

Когда она закончила первый черновик, за иллюминатором было уже почти темно. Она откинулась на спинку кресла и посмотрела в потолок.

В ушах ещё стояли голоса — все три. Маргарет с её ровным, выдержанным «вода была чёрная». Виктор с его простым «дойдёт». И Марк — тот, утренний, из кафе — с его «сегодня я ещё не готов».

Она встала, подошла к иллюминатору и прислонила лоб к холодному стеклу.

Снаружи была ночь и океан, и ни одного огня на горизонте — только темнота, которая начиналась сразу за бортом и уходила куда-то, где не было ни берега, ни дна, ни времени. Только вода.

Тёмная вода.

Она постояла так минуту. Потом отошла от окна, взяла с вешалки тёмно-синее платье и пошла в ванную — переодеваться к ужину с капитаном.

Глава 6

Ресторан «Олимпик» находился в носовой части палубы «А», и Светлана нашла его безошибочно — просто шла на свет и на голоса.

Двери были распахнуты настежь, и уже из коридора было видно: высокие потолки с лепниной, люстры — не такие огромные, как в бальном зале, но тяжёлые, многоярусные, с сотнями хрустальных подвесок — и длинный стол, накрытый на тридцать персон. Белоснежная скатерть, серебряные приборы, бокалы в три ряда, живые цветы в низких вазах — белые розы и что-то мелкое, синее, название которого Светлана не знала.

Она остановилась у входа и одёрнула платье.

Тёмно-синее, с открытой спиной — она выбрала его правильно, это она поняла сразу: большинство женщин здесь были в вечерних платьях, и её не выбивалась из общей картины, но и не терялась в ней.

У входа стоял метрдотель — пожилой, с серебряными висками, в безупречном чёрном.

— Мисс Громова? — произнёс он, сверившись со списком.

— Да.

— Прошу вас. Ваше место — восьмое, по правую руку от мисс Фарро.

Она прошла в зал.

Гостей было уже человек двадцать — они стояли небольшими группами, разговаривали, держа бокалы. Официанты двигались между ними бесшумно, как тени, разнося шампанское на подносах. Светлана взяла бокал — просто чтобы было, куда деть руки — и огляделась.

Рябова она увидела сразу: он стоял у окна с тем же выражением человека, который привык быть в центре любого пространства, и говорил что-то своей спутнице — высокой брюнетке в красном, которую Светлана не узнала. Вика Соколова стояла чуть поодаль, в компании двух мужчин — один из них был французским актёром, имя которого Светлана помнила, но никак не могла вспомнить прямо сейчас. Молодой, тёмноволосый, с той ленивой красотой, которая выглядит как небрежность, но на самом деле тщательно выстроена.

Маргарет Коллинз сидела уже за столом — единственная из гостей, кто сидел. Прямая спина, сложенные на скатерти руки, взгляд в никуда. Светлана поймала её взгляд и чуть кивнула. Маргарет ответила тем же.

Виктора Соловьёва она нашла у дальней стены — он стоял один, держал бокал с минеральной водой и разглядывал картину на стене: большую, в тяжёлой раме, морской пейзаж. Светлана подошла.

— Хороший пиджак, — сказала она негромко.

Он обернулся, и на его усталом лице появилось что-то похожее на облегчение — как бывает, когда в незнакомой толпе видишь знакомое лицо.

— А у вас хорошее платье, — сказал он. — Анна тоже любила синее.

Светлана ничего не ответила — просто встала рядом и тоже посмотрела на картину.

На ней был нарисован корабль в шторм — маленький, чёрный, на гребне огромной волны. Небо над ним было разорвано молнией.

— Странный выбор для украшения корабля, — заметил Виктор.

— Честный, — сказала Светлана.

Он хмыкнул — коротко, одобрительно.

В этот момент по залу прокатилось лёгкое движение — не паника, просто перестановка внимания, как бывает, когда в комнату входит кто-то, кого все ждали. Светлана обернулась.

Капитан Эдвард Харрис был высоким — выше большинства мужчин в зале и широкоплечим, с той особой выправкой, которая не бывает случайной: её либо вырабатывают годами, либо с ней рождаются. Лет шестидесяти, с короткими серебристыми волосами и такой же

короткой бородой, в белом парадном кителе с золотыми нашивками на рукавах. Он шёл через зал не торопясь, здоровался с гостями — несколько слов здесь, рукопожатие там, — и в каждом обмене было что-то настоящее, без протокольной натянутости.

Светлана наблюдала.

Профессиональная привычка: она всегда смотрела на людей раньше, чем начинала с ними говорить. Харрис добрался до Маргарет, наклонился к ней — именно наклонился, а не просто протянул руку сверху и что-то сказал. Маргарет ответила, и капитан засмеялся — негромко, по-настоящему.

«Хороший человек», — отметила Светлана и раскрыла блокнот.

***

За стол садились неторопливо, с той необязательной суетой, которая бывает на официальных ужинах: кто-то искал своё место, кто-то менялся карточками с соседом, официанты подвигали кресла. Светлана нашла восьмое место, села и огляделась.

Справа от неё оказался пустой стул. Слева — немолодая американка в изумрудном платье, которую метрдотель назвал «мисс Фарро» — та самая, по правую руку от которой Светлана должна была сидеть. Мисс Фарро оказалась кинопродюсером из Лос-Анджелеса, лет шестидесяти, с короткой стрижкой и манерой говорить быстро, чётко, без лишних слов.

Капитан Харрис сел во главе стола, и разговор за столом установился сам собой — негромкий, многоязычный, перемежаемый звоном бокалов и шорохом меню.

Светлана взяла меню. Оно было отпечатано на плотной кремовой бумаге с золотым тиснением — пять перемен, названия блюд на английском и французском. Она пробежала взглядом по строчкам и отложила.

Пустой стул справа оставался пустым ещё минут десять.

Потом кто-то сел.

— Простите, — сказал Марк Хэллоуэй, отодвигая кресло. — Я немного опоздал.

Светлана посмотрела на него. Он был в тёмном пиджаке — простом, хорошем, без всяких украшений и белой рубашке без галстука. Волосы причёсаны, но всё равно чуть не так, как надо — одна прядь над левым виском жила своей жизнью.

— Вы не опоздали, — сказала она. — Ещё не подавали.

— Уже хорошо. — Он сел, взял меню, открыл и закрыл сразу. — Я не особо разбираюсь во французской кухне.

— Я тоже.

— Возьму то же, что вы, — сказал он серьёзно.

— Я ещё не выбрала.

— Тогда возьму то же, что вы выберете.

Светлана посмотрела на него — он смотрел в стол с совершенно прямым лицом, но что-то в уголках губ выдавало легкую сдерживаемую улыбку.

Она взяла меню снова.

***

Подали первое — тонкие ломтики сёмги с чем-то кремовым и зелёными травами — и разговор за столом стал живее. Харрис говорил с гостями по очереди, не выделяя никого персонально, но и не позволяя никому чувствовать себя забытым — это было искусство, которое Светлана оценила профессионально.

Вика Соколова сидела наискосок от неё, через стол. Телефон лежал рядом с тарелкой экраном вверх и Вика поглядывала на него между репликами. Светлана заметила, что она уже успела сделать несколько снимков: тарелку, бокал, вид из окна. Без вспышки, быстро, почти незаметно.

Рябов сидел чуть дальше, рядом с французским актёром — теперь Светлана вспомнила его имя: Жюльен Мореа, он снимался в каком-то громком сериале последние два года. Они о

чём-то говорили оживлённо, и Рябов то и дело откидывался на спинку кресла и смеялся своим фирменным смехом.

Потом Рябов достал телефон.

Не незаметно — демонстративно, привычным жестом человека, для которого телефон является продолжением руки. Он поднял его, поймал в кадр стол, люстру над головой, потом развернул к себе и начал говорить — вполголоса, но отчётливо.

— Всем привет, мы тут ужинаем с капитаном на борту «Атлантика», — произнёс он с той лёгкой небрежностью, которая на самом деле тщательно отработана. — Красота неописуемая, еда — огонь, шампанское льётся рекой. — Он повёл камерой вдоль стола. — Вот капитан, вот наш французский друг Жюльен, вот...

— Антон, — негромко сказала мисс Фарро.

Рябов не услышал или с делал вид, что не услышал. Продолжал снимать — медленно повёл камерой дальше, поймал в кадр Маргарет Коллинз, которая смотрела на него с выражением человека, наблюдающего за не очень умным животным.

Жюльен Моро, сидевший рядом с Рябовым, тронул его за локоть.

— Может, не сейчас? — сказал он по-английски — тихо, без агрессии.

— Да ладно, — отмахнулся Рябов, — люди хотят видеть, как мы живём. — Он подмигнул в камеру. — Подписывайтесь, завтра будет ещё интереснее — идём к месту гибели. Представляете, да? Вот это контент!

За столом стало чуть тише.

Вика Соколова подняла голову от тарелки и в её взгляде промелькнуло что-то неловкое.

— Антош, убери телефон, — сказала она негромко.

— Вик, не начинай!

— Антон. — Голос Вики стал тише, но тверже. — За столом люди, у которых здесь погибли родственники. Убери!

Короткая пауза. Рябов посмотрел на неё, потом на стол, потом, видимо, всё-таки что-то почувствовал или просто оценил, что аудитория смотрит не так, как обычно. Убрал телефон. Взял бокал.

— Я просто показываю людям красоту, — сказал он уже без трансляции, полуобиженно. — Ничего плохого.

— Контент из места массовой гибели — это не красота, — сказала мисс Фарро ровно, не поднимая взгляда от тарелки.

Рябов открыл рот и закрыл.

Разговор за столом постепенно восстановился — тихий, осторожный, как восстанавливается равновесие после того, как кто-то качнул стол.

Светлана писала в блокноте под скатертью — коротко, быстро, не глядя на буквы. Марк, сидевший рядом, скосил взгляд и ничего не сказал.

***

Подали второе — что-то с уткой и трюфелями и обстановка потеплела снова. Харрис рассказывал что-то про навигацию в Северной Атлантике, и его слушали внимательно, особенно те, кто сидел ближе к нему.

Но через несколько минут в дальнем конце стола снова возникло движение.

Там сидели двое — молодые, оба с телефонами, оба явно из той категории людей, которых Светлана про себя называла «инфлюенсерами в третьем поколении»: всё, что они видели, они видели через экран. Один из них — белобрысый, в пиджаке с закатанными рукавами, поднял телефон и громко сказал, явно на камеру:

— Короче, объясняю своим подписчикам ситуацию. Вот мы плывём, да? По тому же маршруту. И я честно скажу: если бы «Титаник» тонул сейчас — ну, в наше время — это был бы вообще не вопрос. Вышел в прямой эфир, объяснил людям, куда идти, организовал

всё чётко. Там же просто паника была, понимаете? Люди не знали, что делать. А сейчас — телефоны, навигация, связь. Я бы за двадцать минут всех эвакуировал.

Его сосед засмеялся и добавил в камеру:

— Точно! Капитан там вообще облажался. Если бы я был капитаном — я бы сразу понял, что надо делать!

Пауза за столом была секундной, но очень внятной.

Виктор Соловьёв, сидевший напротив, медленно положил вилку.

Маргарет Коллинз подняла голову.

Капитан Харрис, не изменив выражения лица, поставил бокал.

— Молодые люди, — сказал он негромко — так негромко, что за столом сразу стало тихо, потому что все почувствовали: сейчас важно услышать каждое слово. — Капитан Смит принял решение идти на скорости, потому что получил такой приказ от владельцев компании. Он погиб вместе с кораблём. Он не покинул борт. — Пауза. — Что касается телефонов и навигации — в ту ночь температура воды была минус два градуса. Человек в такой воде теряет сознание через пятнадцать минут. Умирает через тридцать. Никакой телефон это не меняет.

Белобрысый опустил камеру.

— Я просто говорил в общем... — начал он.

— В общем не надо, — сказал Виктор Соловьёв. Тихо, без злости, но так, что белобрысый замолчал на полуслове. — Мой прадед погиб на «Титанике». Ему было тридцать четыре года. У него было трое детей. — Он посмотрел на молодого человека прямо, без враждебности — просто смотрел. — Вы говорите «облажался». Он три часа помогал другим добраться до шлюпок. Это я знаю точно — очевидцы рассказывали. Сам же до шлюпки так и не дошёл.

Тишина за столом стала другой — не неловкой, а тяжёлой, наполненной.

Белобрысый что-то пробормотал — кажется, «простите» и убрал телефон в карман.

Маргарет Коллинз посмотрела на Виктора. Потом перевела взгляд на молодых людей в конце стола.

— Моей маме было семь лет, — сказала она по-английски — ровно, без интонации, как читают показания. — Её братику — пять. Он умер через три дня после спасения от переохлаждения. — Она взяла бокал, сделала маленький глоток. — Пожалуйста, не рассказывайте мне, как надо было делать.

За столом не было слышно ничего, кроме тихой музыки откуда-то снаружи и едва различимого гула двигателей под палубой.

Жюльен Моро, сидевший рядом с Рябовым, медленно поставил бокал и посмотрел в скатерть. Потом сказал по-французски, но достаточно тихо, чтобы было понятно, что это не для трансляции:

— Pardon. За всех нас.

Рябов молчал. Светлана заметила, как он вертит в пальцах вилку — не ест, просто вертит, глядя в тарелку. Потом он поднял голову и посмотрел на Маргарет.

— Маргарет, — сказал он по-английски, неожиданно просто, без своей обычной телевизионной интонации. — Мне жаль про вашего брата. Это было... — он помолчал, — это было глупо с нашей стороны.

Маргарет посмотрела на него. Долго — так, как смотрят люди, умеющие отличать искреннее от показного.

— Томми, — сказала она. — Его звали Томми.

— Мне жаль про Томми, — повторил Рябов.

Маргарет кивнула — коротко, один раз и взяла вилку.

***

Капитан Харрис дал столу минуту — ровно столько, сколько нужно, чтобы тишина осела и стала не давящей, а просто тихой. Потом заговорил снова — спокойно, как будто ничего не произошло, но тема сменилась:

— Я хочу сказать кое-что всем присутствующим. — Он обвёл стол взглядом — не торопливо, останавливаясь на каждом на секунду. — Этот рейс задуман как дань памяти. Не как аттракцион, не как событие для прессы — хотя пресса здесь тоже есть, и это правильно. — Он чуть кивнул в сторону Светланы. — Дань памяти — это значит, что мы помним не цифры. Мы помним людей. Каждого из тысячи пятисот двадцати.

Он взял бокал.

— Я предлагаю выпить молча, — сказал он. — Без тостов. Просто помолчать минуту. За тех, кто не доплыл.

Все подняли бокалы.

Светлана подняла свой.

Рядом Марк держал бокал двумя руками — обхватил его ладонями, как держат что-то хрупкое, и смотрел в него, не поднимая глаз. Светлана видела, как двигается его кадык — он сглотнул, один раз.

Минута тянулась долго.

За иллюминаторами была ночь и океан, и огней на горизонте не было — только темнота, в которой угадывалась вода. Где-то в глубине корабля гудели двигатели — ровно, методично, как сердце.

Потом Харрис поставил бокал.

И все поставили.

И разговор возобновился — тихий, другой, чем в начале вечера. Как будто та минута молчания провела невидимую черту между тем, что было до, и тем, что стало после.

***

Светлана писала в блокноте почти не переставая.

— Вы успеваете есть? — сказал Марк негромко.

Она посмотрела на свою тарелку. Утка стыла, трюфели подсыхали по краям.

— Успеваю, — сказала она и взяла вилку.

— Неправда.

— Я журналист. Мы едим, когда придётся.

— Это объясняет тени под глазами, — сказал он серьёзно.

Она посмотрела на него.

— Это от перелёта, — сказала она.

— Конечно, — согласился он. — От перелёта.

В уголках его глаз обозначились мелкие морщинки — он не улыбался, но что-то близкое к улыбке там было. Светлана отвернулась и съела кусок утки. Утка была хорошей — мягкой, с кисловатым соусом из чего-то тёмного и ягодного.

— Вы записали то, что сказал Виктор? — спросил Марк.

— И Маргарет. И капитан. — Она помолчала. — И вы.

— Я? Я почти ничего не говорил.

— Именно, — сказала Светлана.

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением и на этот раз не стал делать вид, что не понял.

Они помолчали. За столом вокруг тихо переговаривались — атмосфера после минуты молчания стала другой, мягче, как бывает после дождя. Даже белобрысый в конце стола вёл себя тихо — ел, не поднимая головы, телефон лежал рядом экраном вниз.

— Вы сегодня говорили с кем-то ещё? — спросил Марк. — Кроме меня.

— С Маргарет. С Виктором. — Она взяла бокал. — С эстонской парой на верхней палубе — ещё при отплытии. У них выжила прабабушка жены и последнее, что она сказала перед смертью: вода была чёрная.

Марк молчал секунду.

— Вода была чёрная, — повторил он тихо — не как цитату, а как будто примеривал эти слова к чему-то своему.

— Да.

— Это точно, — сказал он. — Я читал воспоминания выживших. Многие писали про воду. Про то, что она была не просто холодной — она была живой. Как будто она хотела их поглотить…

Светлана смотрела на него.

— Джон Хэллоуэй умел плавать? — спросила она.

— Не знаю. — Он помолчал. — Это странно, да? Сто лет прошло, а я не знаю таких простых вещей. Умел ли он плавать. Какой у него был голос. Смеялся ли он громко или тихо. — Марк взял бокал и повертел его в руках. — Я знаю, что ему было двадцать девять. Что он ехал открывать дело. Что у него были светлые волосы — это по фотографии. И всё.

— Этого не мало, — сказала Светлана.

— Этого мало, — возразил он — не резко, просто твёрдо. — Человек прожил двадцать девять лет. Он любил что-то есть, что-то читал, чего-то боялся. Он злился, радовался и скучал. А от него осталась одна фотография и дата в списке погибших.

Светлана ничего не сказала. Открыла блокнот и написала — быстро, не глядя: «Светлые волосы. Двадцать девять. Что он ел? Что читал? Чего боялся?»

Марк скосил взгляд.

— Вы записали мою жалобу, — сказал он.

— Это не жалоба, — сказала Светлана. — Это суть.

***

Подали десерт — шоколадный мусс с малиной и тонким листом золота поверху. Светлана посмотрела на него с уважением.

— Вот это красиво, — сказала мисс Фарро слева.

— Жалко есть, — согласилась Светлана.

— Нисколько, — сказала мисс Фарро и немедленно взяла ложку.

За столом стало оживлённее — десерт всегда действовал именно так, расслаблял, развязывал языки. Жюльен Моро что-то рассказывал по-английски, и несколько человек смеялись. Вика Соколова тихо разговаривала с соседкой — высокой женщиной в жемчуге, которую Светлана не узнала, но заметила: та слушала внимательно, не перебивала, и в её взгляде было что-то тёплое и сосредоточенное одновременно.

Капитан Харрис поднялся — не резко, плавно, как встаёт человек, привыкший к тому, что его движения замечают.

— Друзья, — сказал он, и разговоры стихли сами. — Завтра утром мы пройдём через пролив — погода обещает быть сносной, и я рекомендую выйти на верхнюю палубу. Это будет красиво. — Он обвёл стол взглядом. — Послезавтра будет сама церемония. Мы прибудем в точку гибели в четырнадцать часов по судовому времени. Прошу всех, кто планирует участвовать, быть на верхней палубе к тринадцати тридцати. — Пауза. — Для тех, кто хочет сказать слово — список открыт у моего помощника. Каждому выступающему дается пять минут. Без ограничений по языку, без цензуры.

Он поднял бокал.

— Спасибо, что вы здесь, — сказал он просто. — Все вы. Это важный рейс и мы постараемся пройти его достойно.

Все подняли бокалы.

Светлана тоже подняла — и в этот момент поймала взгляд Маргарет через стол. Старая женщина смотрела на неё внимательно, и в её тёмных глазах было что-то — не одобрение, нет, что-то сложнее. Как будто она что-то проверяла и нашла то, что искала.

Светлана чуть кивнула.

Маргарет кивнула в ответ.

***

Ужин закончился около одиннадцати.

Гости расходились медленно — задерживались у стола, обменивались визитками, фотографировались с капитаном. Харрис стоял у выхода и прощался с каждым лично — пожимал руки мужчинам, наклонялся к женщинам, и в каждом прощании было что-то настоящее, без спешки.

Светлана дождалась, пока схлынет основная толпа, и подошла.

— Капитан Харрис. — Она протянула руку. — Светлана Громова, «Пермский курьер».

— Я знаю, кто вы, мисс Громова. — Он пожал руку крепко, коротко. — Золотой билет. Как вам на борту?

— Честно?

— Предпочитаю честно, — сказал он.

— Это лучшее, что я видела в своей жизни, — сказала она. — И это только первый день моего тут пребывания.

Харрис чуть улыбнулся — одним углом рта.

— Приходите на мостик завтра утром, — сказал он. — Часов в восемь. Покажу вам, как это работает изнутри.

— Это возможно?

— Для журналиста с золотым билетом — возможно. — Он кивнул. — До завтра, мисс Громова.

Она вышла в коридор.

Марк стоял у иллюминатора в галерее — там, где они с Виктором разговаривали несколько часов назад. Смотрел на ночную воду.

Светлана могла пройти мимо.

Не прошла.

— Не спится? — спросила она.

Он обернулся. В неярком свете коридора его лицо казалось усталым — не физически, а как-то глубже.

— Думаю про Джона, — сказал он. — Здесь это особенно думается.

— Вы сказали, что сегодня не готовы рассказывать. — Она остановилась рядом. — А завтра?

Он помолчал.

— Завтра, — согласился он. — После мостика.

— Вы слышали?

— Я стоял рядом. — Он чуть повернулся к окну. — Харрис хороший человек.

— Да, — сказала Светлана.

Они помолчали. За иллюминатором была тёмная вода — живая, движущаяся, с белыми гребешками на волнах, которые появлялись и исчезали в свете бортовых огней.

— Знаете, что я думаю? — сказал Марк, не оборачиваясь.

— Что?

— Я думаю, что Джон стоял вот так же у борта и смотрел на воду. — Он помолчал. — Наверное, думал о том, что его ждёт в Нью-Йорке.

Светлана смотрела на его профиль.

— Может, думал о чём-то совсем простом, — сказала она тихо. — Что хочет есть или устал, или хочет спать.

Марк обернулся и посмотрел на неё.

— Да, — сказал он после паузы. — Наверное.

Они стояли рядом у иллюминатора — не близко, между ними было пространство в полшага, и смотрели на воду, думая каждый о своём.

— Спокойной ночи, Светлана, — сказал он наконец.

— Спокойной ночи, Марк.

Она пошла по коридору к своей каюте и чувствовала, как он смотрит ей вслед — не навязчиво, просто смотрит.

Не оборачивалась.

В каюте было тихо и тепло. Орхидеи на столике ещё стояли — белые, ровные, будто их только что поставили. Шампанское в ведёрке давно перестало быть холодным, лёд растаял, и в воде плавали последние осколки, прозрачные и маленькие.

Светлана сняла туфли у порога — поставила аккуратно, носками к стене — и подошла к письменному столу. Открыла ноутбук.

Панов ждал материал.

Она писала час — может, полтора, не смотрела на часы. Писала про ужин, про минуту молчания, про капитана, про белобрысого с телефоном и про то, как Маргарет произнесла «его звали Томми» — коротко, без объяснений, и именно это короткое «его звали Томми» сделало то, чего не смогли бы сделать три страницы описаний.

Писала про Рябова — честно, без злорадства, но и без смягчений. Про то, что он снимал сторис в начале вечера и произносил слово «контент» применительно к месту массовой гибели. И про то, что потом, после слов Маргарет, сказал «мне жаль про Томми» — тихо, без камеры, и это, возможно, было самым честным, что он сказал за весь вечер.

Журналистика — это не суд, она это знала. Журналистика — это зеркало. Её дело было поставить зеркало правильно, под нужным углом.

Она перечитала написанное. Поправила два абзаца. Отправила Панову.

Потом встала, подошла к иллюминатору и открыла его — чуть, на несколько сантиметров.

Ночной воздух был холодным и солёным, и от него сразу стало чуть кружиться голова — хорошо, чисто, как бывает на большой высоте. Где-то далеко внизу шумела вода — мерно, ровно, как дышит что-то огромное и спокойное.

Она стояла у открытого иллюминатора и думала про Джона Хэллоуэя, который стоял у борта и смотрел на воду и, может быть, думал о чём-то совсем простом. Что хочет есть или что устал.

Потом закрыла иллюминатор, разобрала постель и легла.

Белый потолок каюты был ровным и чистым. Лайнер чуть покачивался — едва заметно, как колыбель, и этот ритм был неожиданно успокаивающим.

Она заснула быстро — быстрее, чем ожидала.

Глава 7

Она проснулась без четверти семь.

За иллюминатором было светло — той ровной серо-молочной светлостью, которая бывает в открытом море ранним утром, когда солнце уже встало, но ещё не решило, каким хочет быть этот день.

Светлана лежала несколько секунд и слушала корабль. Двигатели гудели ровно, где-то далеко по коридору прошли быстрые шаги — кто-то из персонала, — потом всё снова стихло. Лайнер дышал вокруг неё — огромный, живой, привыкший к тому, что его не замечают.

Она встала, умылась, заплела волосы в низкий хвост и оделась просто: джинсы, тонкий свитер, куртка. Взяла блокнот, ноутбук оставила — на мостик с ноутбуком неудобно.

Без пяти восемь постучала в дверь с табличкой «Bridge — Authorized personnel only.»

Открыл молодой офицер — лет двадцати пяти, рыжеватый, с такими же золотыми нашивками, как у Харриса, только меньше.

— Мисс Громова? Капитан ждёт.

Мостик был большим — просторнее, чем она представляла — и очень тихим. Не мёртвой тишиной, а рабочей: несколько человек за пультами, негромкие переговоры по рации, мерное попискивание приборов. Огромные панорамные окна во всю переднюю стену открывали вид на нос корабля и на то, что было впереди — океан, серый и ровный, уходящий до горизонта.

Харрис стоял у центрального окна — руки за спиной, смотрел вперёд.

— Мисс Громова. — Он обернулся. — Вы вовремя.

— Я стараюсь.

Он жестом предложил встать рядом.

Она подошла и остановилась у окна.

Впереди был океан — только океан, без единого ориентира, без горизонта в привычном смысле слова: небо и вода сливались в одну серую массу, и лайнер шёл сквозь неё, как игла сквозь ткань — уверенно, не сомневаясь.

— Красиво, — сказала Светлана.

— Каждый раз, как первый, — сказал Харрис. — Тридцать два года хожу в море, но каждый раз любуюсь этой красотой, как впервые!

Она достала блокнот.

— Можно?

— Для этого вы здесь.

Она написала вверху страницы: «Мостик. 08:00. Харрис.» Потом подняла взгляд.

— Расскажите мне про маршрут, — сказала она. — Не технически. А как вы его чувствуете.

Харрис помолчал — недолго, просто собирал слова.

— Этот маршрут особенный, — сказал он. — Не потому что исторический. А потому, что он помнит. — Он кивнул на воду за стеклом. — Океан помнит. Я знаю, это звучит несерьёзно для капитана.

— Звучит честно, — сказала Светлана.

Он чуть кивнул.

— Мы идём примерно тем же курсом, — продолжал он. — Не точно — современная навигация прокладывает маршрут иначе, безопаснее. Но общее направление то же. И когда ты стоишь здесь и знаешь это — чувствуешь что-то. Не страх. Что-то другое. — Он помолчал. — Ответственность, наверное. Очень конкретную.

— За пассажиров?

— За память, — сказал он. — За то, чтобы это путешествие было достойным. Чтобы никто не уехал отсюда с ощущением, что это был аттракцион.

Светлана писала быстро.

— Вчерашний инцидент за ужином, — сказала она, не поднимая головы. — Молодые люди с телефонами. Это было неожиданно для вас?

— Нет, — сказал Харрис. — К сожалению, нет. — Он отошёл от окна, прошёл вдоль пульта, остановился у боковой панели. — Люди разные. Это данность. Моя задача — создать условия, при которых даже те, кто приехал за контентом, уедут с чем-то большим.

— Вы думаете, это возможно?

— Маргарет Коллинз сказала вчера три слова, — ответил Харрис. — И молодой человек убрал телефон. — Он повернулся. — Значит, возможно.

Светлана записала это.

За окнами мостика небо начало светлеть — не резко, а медленно, как разворачивают что-то сложенное. Где-то справа, у горизонта, появилась тонкая полоса более тёплого цвета — не жёлтого ещё, но уже не серого.

— Там будет солнце, — сказал один из офицеров у пульта — тихо, себе.

— Хорошо, — сказал Харрис.

Светлана смотрела на полосу у горизонта.

— Капитан Харрис, — сказала она. — Завтра церемония. Что вы будете чувствовать, когда мы придём в ту точку?

Харрис долго молчал.

Достаточно долго, чтобы она поняла: он не ищет красивый ответ. Он ищет точный.

— Я буду думать про тысячу пятьсот двадцать, — сказал он наконец. — Не про цифру. Про людей. Каждый раз, когда я слышу эту цифру, я напоминаю себе: это не статистика. Это тысяча пятьсот двадцать отдельных жизней. Отдельных историй. — Пауза. — Вы за один день нашли троих из них. Представьте, сколько их ещё.

— Я думаю об этом, — сказала Светлана тихо.

— Пишите, — сказал Харрис. — Хорошо пишите. Это важнее, чем вы думаете.

***

Она пробыла на мостике до половины десятого.

За это время Харрис показал ей навигационные карты — бумажные, не только электронные: «на случай если», сказал он без улыбки, — объяснил принцип работы радарной системы и познакомил с вахтенным офицером Томасом Бреннаном, молодым ирландцем с рыжими волосами и тихим голосом.

Бреннан оказался разговорчивее, чем выглядел.

— Мой прапрадед был кочегаром в экипаже «Титаника», — сказал он, когда Харрис отошёл к рации. — Джеймс Бреннан. Он погиб — они почти все погибли из машинного отделения, у них почти не было шансов выбраться наверх вовремя.

— Вы поэтому здесь? — спросила Светлана.

— Частично. — Он смотрел на приборы, но взгляд был где-то глубже. — И потому, что это моя работа. Но да — когда пришло предложение войти в экипаж «Атлантика», я не раздумывал. — Он помолчал. — Джеймс никогда не видел открытого моря. Он работал в трюме. Я хожу по мостику и вижу горизонт каждый день. Это несправедливо, наверное. Но я думаю, что он был бы рад.

Светлана записала и это.

Харрис вернулся через несколько минут — с двумя кружками кофе, протянул одну Светлане.

— Спасибо, — сказала она. — Капитан, можно личный вопрос?

— Можно, — сказал он. — Но не обещаю ответить.

— Почему именно вы капитан этого рейса? — Она подняла взгляд. — Это случайное совпадение — что вам предложили и вы согласились? Или это личное?

Харрис взял свою кружку, сделал глоток. Посмотрел в окно.

— Случайное, — сказал он. — Если честно — случайное. Меня рекомендовала судоходная компания, с которой я работаю двенадцать лет. У меня хороший послужной список, достаточный опыт трансатлантических маршрутов, нужные сертификаты. Это была обычная профессиональная рекомендация. — Он помолчал. — Но когда мне позвонили и объяснили, о чём речь — я положил трубку и просто сидел минут пятнадцать молча.

— Почему?

— Потому что понял, что это не просто работа. — Он повернулся к ней. — Понимаете, я хожу в море тридцать два года. Я видел красивые корабли, сложные маршруты, важные рейсы. Но такого — никогда. Вести корабль по маршруту, который вошёл в историю, как самая известная морская трагедия. Прийти в ту точку. Стоять там. — Он покачал головой. — Это не случается с каждым капитаном.

— Вы гордитесь, — сказала Светлана. Не вопрос — утверждение.

— Да, — сказал Харрис просто. — Горжусь. И я не стесняюсь этого слова. — Он поставил кружку. — Это честь! Именно это слово — честь. Не возможность, не удача, не карьерный шаг. Честь! Когда мне предложили этот рейс, я понял, что всё, что я делал до этого — все эти тридцать два года, все маршруты, все шторма, все ночные вахты — привело меня именно сюда. К этому мостику. К этому маршруту. — Он помолчал. — Может, это громко звучит.

— Нет, — сказала Светлана. — Не громко.

Она писала и чувствовала, как слова ложатся правильно — сами, без усилий, как бывает, когда человек говорит то, что думает, а не то, что следует говорить.

— Вы знаете, что я сделал первым делом, когда подписал контракт? — спросил Харрис.

— Что?

— Позвонил отцу. — Уголок его рта чуть дрогнул. — Ему восемьдесят один год. Он всю жизнь проработал докером здесь, в Саутгемптоне. Видел, как уходят корабли — тысячи раз. И когда я ему сказал — он долго молчал. Потом сказал: «Эдди, это правильно. Кто-то должен вернуться туда и сделать всё, как следует». — Харрис смотрел в окно. — Мой отец не сентиментальный человек. За всю жизнь я слышал от него такое, наверное, два раза.

Светлана опустила ручку.

— Можно я напишу про это? — спросила она. — Про вашего отца. Про «кто-то должен вернуться».

Харрис помолчал секунду.

— Пишите, — сказал он. — Он будет читать. Он каждое утро читает новости в интернете — научился в семьдесят пять, специально, чтобы следить за моими рейсами.

Светлана улыбнулась — сама, неожиданно для себя.

— Как его зовут?

— Роберт, — сказал Харрис. — Роберт Харрис. Докер из Саутгемптона, восемьдесят один год. Всю жизнь смотрел, как уходят корабли.

Светлана записала это — медленно, тщательно, каждое слово.

За окнами мостика полоса у горизонта стала шире и теплее. Солнце всё-таки решило выйти — несмело, сквозь облака, но выйти. Океан под ним изменил цвет — из серого стал тёмно-синим, почти фиолетовым у горизонта и зеленоватым ближе к борту.

— Вот, — сказал Бреннан от своего пульта. — Говорил же — будет солнце.

— Ты всегда так говоришь, — заметил другой офицер — коренастый, молчаливый, который за всё время не произнёс ни слова.

— И всегда прав, — невозмутимо ответил Бреннан.

Харрис чуть улыбнулся — краем губ — и отвернулся к окну.

Светлана стояла рядом и смотрела на океан, который менял цвет прямо у неё на глазах — медленно, как меняется что-то живое, подчиняясь не человеческой воле, а своей собственной, древней и равнодушной ко всему, что происходит на его поверхности.

— Капитан, — сказала она, — последний вопрос.

— Слушаю.

— Вам не страшно вести корабль по этому маршруту? После всего, что здесь было?

Харрис не ответил сразу. Смотрел на воду, на горизонт, на полосу света, которая становилась шире.

— Страх — неправильное слово, — сказал он наконец. — Уважение. Я испытываю уважение. К этому океану, к этому маршруту, к тем, кто шёл здесь до меня. — Пауза. — Капитан Смит вёл «Титаник» здесь же. Он был опытным человеком — лучшим капитаном своего времени. Он не был трусом и не был глупцом. Он попал в обстоятельства, которые оказались сильнее. — Харрис помолчал. — Я помню об этом каждую минуту. Это и есть уважение.

Светлана закрыла блокнот.

— Спасибо, — сказала она.

— Вам спасибо. — Он посмотрел на неё. — Вы хороший слушатель, мисс Громова. Это редкость — особенно среди журналистов.

— Мне сегодня уже говорили нечто похожее, — сказала она.

— Значит, правда, — сказал Харрис.

Она спустилась с мостика в начале десятого и первым делом зашла в маленькое кафе на палубе «А» — то самое, с грифельной доской и полками с книгами.

Марк был уже там.

Сидел за тем же столиком у окна, с чашкой чая и закрытой книгой. Когда она вошла, поднял голову.

— Мостик? — спросил он.

— Мостик. — Она повесила куртку на спинку стула и села напротив. — Харрис — удивительный человек.

— Я заметил вчера.

Официант — молодой человек, азиатской внешности, с бейджем «Кевин» — подошёл бесшумно.

— Кофе, пожалуйста, — сказала Светлана. — Большой. И что-нибудь поесть — что посоветуете?

— Овсянка с карамельными грушами, — сказал Кевин без колебаний.

— Несите.

Кевин ушёл. Марк смотрел на неё с лёгким любопытством.

— Вы всегда так? — спросил он.

— Как?

— Доверяете незнакомым людям. Берёте, что советуют, садитесь рядом, спрашиваете личное.

Светлана подумала.

— Это работа, — сказала она. — Если не доверять людям — они не говорят настоящего. А мне нужно настоящее.

— А если они говорят ложь?

— Ложь тоже настоящая, — сказала она. — Просто другого рода.

Марк смотрел на неё несколько секунд. Потом взял чашку.

— Вы готовы слушать про Джона? — спросил он.

— Если вы готовы рассказывать.

Он поставил чашку. Посмотрел в окно — на воду, которая сейчас, при утреннем солнце, была совсем другой, чем вчера: синей, живой, с мелкой рябью.

— Джон Хэллоуэй родился в Саутгемптоне, — начал он. — В тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. Отец — портовый рабочий, мать — швея. Семья небогатая, но не бедная — тот средний слой, который всегда балансирует между достатком и нуждой и очень боится упасть вниз. — Марк говорил ровно, без пауз, как человек, который долго готовился к этому разговору или долго жил с этим внутри. — Джон был старшим из четырёх детей. Окончил школу, пошёл работать — сначала на верфи, потом в небольшую торговую контору. Оказалось, что у него хорошая склонность к математике.

Принесли кофе и овсянку. Светлана машинально взяла ложку, не отрывая взгляда от Марка.

— В двадцать шесть лет он познакомился с американцем — торговец тканями, приезжал в Саутгемптон по делам. Тот предложил партнёрство: открыть в Нью-Йорке небольшой импортный бизнес, европейские ткани для американского рынка. Джон три года копил деньги. Три года. Откладывал с каждой получки, отказывал себе во всём. — Марк помолчал. — Бабушка рассказывала, что в те три года он ни разу не ходил в паб с друзьями. Говорил: потом. Вот открою дело — тогда и схожу.

— Он был женат? — тихо спросила Светлана.

— Нет. — Марк покачал головой. — У него была девушка — Мэри, соседская дочь. Они встречались года два. Но он сказал ей: подожди, пока я не встану на ноги. Она ждала. — Пауза. — После его гибели она вышла замуж за другого через четыре года. Бабушка говорила, что Мэри до конца жизни хранила его письма. Целую пачку, перевязанную синей лентой.

Светлана писала и чувствовала, как овсянка остывает нетронутой.

— Он плыл первым классом? — спросила она.

— Вторым. — Марк взял чашку. — На первый денег не хватало, на третий не хотел — считал, что если едешь открывать дело, надо выглядеть соответственно. Второй класс — компромисс. Он вообще умел находить компромиссы между тем, что хотел, и тем, что мог себе позволить.

— Откуда вы это знаете?

— Из писем. — Он поставил чашку. — Он писал домой каждую неделю. Бабушка сохранила все письма — их потом передавали из поколения в поколение. Я читал их все ещё подростком, когда бабушка показала.

— Что он писал?

Марк помолчал — дольше, чем обычно.

— Он писал про маленькое, — сказал он наконец. — Не про планы и не про деньги. Про то, что видел по дороге. Про туман над Темзой. Про пирожки, которые продавали на углу у его конторы. Про кота соседей, который каждое утро сидел на подоконнике и смотрел на улицу с таким видом, будто всё происходящее его глубоко разочаровывало. — Марк чуть улыбнулся — тихо, почти незаметно. — Он умел замечать смешное. В письмах чувствовалась какая-то легкость. Он не был тяжёлым человеком.

Светлана смотрела на него.

— Вы любите его, — сказала она.

Марк поднял взгляд — быстро, как будто застигнутый врасплох.

— Я никогда не думал об этом в таких словах, — сказал он медленно. — Но да, наверное. — Он помолчал. — Странно любить человека, которого никогда не видел. Которого нет уже сто с лишним лет.

— Не странно, — сказала Светлана. — Вы читали его письма. Вы знаете, как он думал. Какой у его соседей был кот, и какие пирожки он любил. Это больше, чем знают про многих живых людей.

Марк смотрел на неё.

— Последнее письмо он написал из Саутгемптона, — сказал он. — Десятого апреля тысяча девятьсот двенадцатого года. За два часа до отплытия. — Голос его не изменился — ровный, тихий, но что-то в нём стало плотнее, как бывает, когда человек держит что-то тяжёлое и старается, чтобы не было заметно. — Он писал матери: «Корабль огромный и красивый! Я стою на палубе и смотрю на порт. Саутгемптон отсюда выглядит совсем маленьким. Не волнуйся за меня! Я вернусь богатым человеком или не вернусь вовсе, но я пошутил, мама, конечно вернусь! Береги Дженни и малышей. Твой Джон».

Тишина между ними была долгой.

Светлана не писала. Просто сидела и смотрела на Марка, который смотрел в окно на воду — ту самую воду, по которой шёл «Титаник» сто с лишним лет назад с Джоном Хэллоуэем на борту, с его чемоданом, с тремя годами сбережений и с письмами, которые он больше не напишет.

— «Или не вернусь вовсе», — повторила она тихо.

— Да. — Марк не обернулся. — Бабушка говорила, что мать перечитывала эту фразу много раз. Не могла решить — это шутка или предчувствие. — Пауза. — Думаю, это просто слова. Люди говорят такое, не думая. Но потом, когда случилась катастрофа— эта фраза стала другой. Приобрела вес, которого в ней не было.

— Слова всегда становятся другими после, — сказала Светлана.

Марк, наконец, повернулся к ней.

— Вы возьмёте это в статью? — спросил он. — Письмо.

— Если разрешите — да.

Он молчал несколько секунд. Смотрел на неё внимательно — тем же оценивающим взглядом, что и при первой встрече в кафе.

— Разрешаю, — сказал он. — Но с одним условием.

— Каким?

— Напишите про пирожки, — сказал он. — И про кота. Не пишите только про гибель. Расскажите обязательно про то, каким он был живым.

Светлана смотрела на него.

— Именно это я и хочу написать, — сказала она.

Что-то в его лице изменилось — едва заметно, как меняется свет, когда облако отходит от солнца. Не улыбка ещё, но что-то близкое к облегчению.

— Тогда договорились, — сказал он.

Светлана, наконец, взяла ложку и попробовала овсянку. Остывшая, но всё равно хорошая — груши были карамельными по-настоящему, не для названия.

— Кевин был прав, — сказала она.

— Про овсянку?

— Про овсянку.

Марк посмотрел на её тарелку.

— Она же холодная.

— Всё равно хорошая.

Он покачал головой — без слов, с тем выражением человека, который решил не спорить с очевидным.

За окном океан жил своей жизнью — волны шли ровными рядами, и солнце теперь стояло достаточно высоко, чтобы на воде появились блики, живые и непостоянные, как всё, что отражает свет.

— Вы идете на церемонию завтра? — спросила Светлана.

— Да. — Он взял книгу, но не открыл — просто держал в руках. — Я записался в список к помощнику капитана. Хочу сказать несколько слов.

— Про Джона?

— Про Джона. — Он помолчал. — Я никогда этого не делал — не говорил вслух, публично. Всегда казалось, что это личное, семейное, не для чужих ушей. — Пауза. — Но здесь — не знаю. Здесь кажется, что это правильно. Что он заслуживает, чтобы его имя произнесли вслух над этой водой.

— Заслуживает, — сказала Светлана тихо.

Марк посмотрел на неё.

— Вы будете на церемонии?

— Конечно.

— Тогда послушайте, — сказал он. — Если хотите — потом можете написать то, что я скажу там.

— Хочу.

Он кивнул и, наконец, открыл книгу. Светлана допила кофе, дописала последние строчки в блокноте и закрыла его.

Они сидели молча — каждый со своим: он с книгой, она с пустой кружкой и молчание снова было тем особым молчанием, которое не требует заполнения.

За иллюминатором океан нёс их вперёд — туда, где завтра будет точка на карте. Просто точка, без берегов, без ориентиров, без ничего — только вода сверху и четыре километра воды снизу, и на самом дне — корабль.

И тысяча пятьсот двадцать имён.

***

После кафе она пошла гулять по кораблю — не целенаправленно, как вчера, а просто так, куда ноги несли. Взяла блокнот, но почти не открывала его.

На открытой палубе было свежо и солнечно одновременно — ветер дул с севера, холодный, но солнце грело достаточно, чтобы стоять у лееров без особого дискомфорта. Несколько человек делали именно это — стояли, смотрели на воду и молчали. Светлана заметила, что на этом корабле вообще много молчат. Не потому, что не о чем говорить, а потому, что океан делает что-то с человеком, когда ты видишь его со всех сторон и нет ни одного берега.

Она облокотилась на леер.

Вода внизу была тёмно-синей и очень живой — волны шли длинными пологими рядами, и корабль резал их мягко, почти без усилий, и за кормой оставался белый след, который тянулся далеко назад и постепенно растворялся, как будто океан не хотел помнить, что здесь прошли.

— Светлана.

Она обернулась.

Виктор Соловьёв стоял в нескольких шагах — в той же тёмной куртке, что вчера, с термосом в руке.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе. — Он подошёл, встал рядом, облокотился на леер. — Не спалось.

— Мне тоже. Я была на мостике.

— Слышал. — Он кивнул куда-то назад, в сторону надстройки. — Кто-то из персонала говорил. — Он открутил крышку термоса, налил в неё чай, протянул Светлане. — Держите, а то холодно.

Она взяла — двумя руками, чашка была тёплой.

— Вы всегда так за людьми ухаживаете? — спросила она.

— Анна учила, — сказал он просто. — Она говорила: если рядом человек — предложи что-нибудь тёплое. Хоть чай, хоть слово. Дёшево, а приятно.

Светлана смотрела на воду.

— Виктор, — сказала она. — Вы завтра будете говорить на церемонии?

— Нет, — сказал он. — Я не умею говорить публично. Слова разбегаются. — Он тоже посмотрел на воду. — Я просто опущу письмо. Этого достаточно.

— Этого больше, чем достаточно.

Он помолчал.

— Знаете, я всю ночь думал, — сказал он. — Про вчерашний ужин. Про этих молодых людей с телефонами. — Он покрутил в руках термос. — Я на них не злюсь. Хотите знать почему?

— Хочу.

— Потому что я сам таким был, — сказал он. — В молодости. Мне было лет двадцать, я приехал в Москву первый раз, пошёл на Красную площадь и первым делом достал фотоаппарат. Щёлкал всё подряд. Мавзолей, Кремль, голубей. — Он хмыкнул. — А потом сел на скамейку и увидел старика, который просто сидел и смотрел на площадь. Без фотоаппарата, без ничего. Просто сидел и смотрел. И я вдруг понял, что он видит что-то, чего я не вижу. Потому, что он смотрит, а я снимаю — это разные вещи.

Светлана тихо открыла блокнот.

— Можно? — спросила она.

— Пишите, — махнул он рукой. — Я уже привык.

— Кто был тот старик?

— Не знаю, — сказал Виктор. — Не спросил. Пожалел потом. — Он отпил из термоса. — Может, тоже чей-то прадед. Может, тоже нёс что-то своё.

Они помолчали. Чайки летели за кормой — несколько штук, белые, с жёлтыми клювами. Светлана смотрела на них.

— Виктор, — сказала она, — вы боитесь завтра?

Он подумал — по-настоящему, не для вежливости.

— Нет, — сказал он наконец. — Я готовился к этому долго. Три года, с тех пор, как узнал про рейс. — Пауза. — Я боялся раньше. Боялся, что не справлюсь. Что стану у борта, опущу письмо — и не смогу. Расплачусь или что-то такое. — Он поморщился — не от стыда, а от того, что плохо сформулировал. — Не то, чтобы плакать стыдно. Просто Николай был сильным человеком. Анна была сильной. Я хочу быть достойным их.

— Вы уже достойны, — сказала Светлана. — Вы привезли её письмо через сто лет. Это не маленькое дело.

Виктор посмотрел на неё сбоку — долго, изучающе.

— Вы умеете говорить правильные вещи, — сказал он. — Не пустые, а правильные. Это редкость.

— Это Анна научила, — сказала Светлана.

Виктор моргнул. Потом засмеялся — негромко, удивлённо, как смеются люди, которых застали врасплох.

— Это хорошо сказано, — произнёс он. — Это я запомню.

***

Она вернулась в каюту около полудня.

На столике лежала записка от Панова — не сообщение в мессенджере, а именно записка, напечатанная и, видимо, переданная через персонал корабля: редактор умел делать такие вещи, когда хотел произвести впечатление. Светлана взяла её, прочитала.

«Света! Материал про Маргарет, Виктора и ужин получил. Это лучшее, что ты писала за три года. Не менял ни слова. Выходит в воскресенье на первой полосе. Жду церемонию. — П.»

Она сложила записку и положила на стол.

Первая полоса.

Она обрадовалась не сразу. Сначала просто стояла и смотрела на сложенный листок, и думала про Маргарет в библиотеке, про Виктора с письмом во внутреннем кармане, про Джона Хэллоуэя, который писал матери про кота, с разочарованным взглядом.

Потом подумала: хорошо. Пусть читают. Пусть в Перми, в Москве, в Ростове — везде — люди за утренним кофе прочитают про Элис, которой было семь, и про Томми, которому было пять. Пусть отложат телефон и просто посидят минуту.

Этого достаточно.

Она открыла ноутбук и начала писать следующий материал — про мостик, про Харриса, про его отца-докера из Саутгемптона, который научился читать новости в интернете в семьдесят пять лет, чтобы следить за рейсами сына.

Писала два часа без остановки.

Обедала она снова в маленьком кафе — Кевин принёс ей суп без вопросов, как будто она была постоянным клиентом.

— Вы меня запомнили, — сказала она.

— Вы каждый раз берёте, что советуют, — сказал Кевин. — Таких мало.

— Они много теряют.

— Много, — согласился он серьёзно и ушёл.

Она ела и смотрела в окно на воду, которая к полудню стала темнее — облака снова собирались, и солнце за ними угадывалось, но не пробивалось.

За соседним столиком сидела молодая женщина — лет тридцати, светловолосая, с маленьким ребёнком на коленях. Ребёнок — девочка, года полтора, не больше — деловито изучала солонку, вертела её в пухлых руках и время от времени смотрела на мать с таким видом, будто хотела уточнить: это правильный предмет, да?

Мать смотрела в телефон.

Потом подняла голову, увидела взгляд Светланы и чуть улыбнулась — немного устало, немного виновато, как улыбаются молодые мамы, которых застали за телефоном.

— Она не спала всю ночь, — сказала женщина по-английски. — Качка.

— Я не сужу, — сказала Светлана. — У меня нет детей, мне легче.

— А хотите детей? — спросила женщина просто.

— Не знаю, — сказала Светлана честно.

Женщина кивнула — без комментариев, без советов. Светлана оценила это.

— Вы из России? — спросила женщина.

— Да. Вы тоже?

— Из Минска, — сказала женщина. — Но живём в Лондоне уже три года.

Она произнесла это ровно, без объяснений. Светлана не стала спрашивать.

— Меня зовут Светлана.

— Оля. — Женщина переложила девочку на другое колено. — А это Соня.

Соня посмотрела на Светлану с солонкой в руках — серьёзно, оценивающе.

— Привет, Соня, — сказала Светлана.

Соня протянула ей солонку.

— Это подарок? — спросила Светлана.

— Наверное, — сказала Оля. — Она всем так делает. Берёт что-нибудь и протягивает. Потом забирает обратно.

Светлана взяла солонку. Соня смотрела внимательно, не мигая. Потом протянула руку и забрала обратно. Прижала к груди.

— Я так и думала, — сказала Светлана.

Оля засмеялась — по-настоящему, первый раз за этот короткий разговор. Смех был усталый, но живой.

— Вы зачем на борту? — спросила она. — Тоже родственники?

— Я журналист. — Светлана убрала блокнот под стол — интуитивно, чтобы не спугнуть. — Пишу о рейсе.

— Я читала про золотой билет, — сказала Оля. — Это вы?

— Я.

Оля посмотрела на неё с новым интересом — не восхищённым, а скорее задумчивым.

— Мой прадед плыл на «Титанике» третьим классом, — сказала она. — Он выжил, ему было двадцать два года. Звали Михаил Коваль.

Светлана не потянулась за блокнотом. Просто смотрела.

— Выжил — это редкость для третьего класса, — сказала она тихо.

— Да. — Оля поправила Соне воротничок — машинально, не глядя. — Он никогда не рассказывал как. Вообще никогда. Ни слова — ни детям, ни внукам. Только одно: что ему помог какой-то мужчина. Незнакомый. Показал, куда идти, когда всё уже тонуло. — Она помолчала. — Мы не знаем, кто этот человек. Не знаем, выжил ли он сам. Михаил не спросил имени — не до того было. Но до конца жизни говорил: я живу вместо него. Каждый день — вместо него.

— Сколько ему было лет, когда умер?

— Девяносто шесть, — сказала Оля.

Соня потеряла интерес к солонке и теперь тянулась к чашке матери. Оля мягко отвела её руку.

— Михаил вернулся в Беларусь? — спросила Светлана.

— Нет. Он плыл в Канаду — работать на шахтах. Добрался. Проработал двадцать лет, потом вернулся. Привёз денег, построил дом в деревне. Женился. Детей было шестеро. — Оля посмотрела на дочь. — Соня — его пятая по счёту праправнучка.

Светлана смотрела на Соню, которая снова деловито изучала солонку.

Пятая праправнучка человека, которому в апреле двенадцатого года кто-то незнакомый показал, куда идти.

— Оля, — сказала Светлана, — можно я напишу про Михаила? И про того человека, которого мы не знаем?

Оля подняла взгляд.

— Про незнакомца?

— Именно. Мне кажется, это важно, что он есть в этой истории. Безымянный. Который, может, и не выжил, но благодаря которому сегодня есть Соня, играющая с солонкой.

Оля долго молчала. Смотрела на дочь.

— Михаил говорил, — сказала она тихо, — что самое страшное в той ночи было не холод и не темнота. Самое страшное, что люди переставали помогать друг другу. Каждый был только сам за себя. — Пауза. — А этот человек — не перестал помогать. Когда уже можно было бороться только за себя — он всё равно не перестал помогать другим.

Светлана не писала.

Она сидела и думала про незнакомого мужчину без имени, который в ледяной темноте апрельской ночи остановился и показал дорогу испуганному двадцатидвухлетнему беларусу. И, может быть, сам не добрался.

— Напишу, — сказала она. — Обязательно напишу.

Соня снова протянула ей солонку.

На этот раз Светлана взяла её и держала дольше — секунд десять. Соня смотрела серьёзно, не торопила.

Потом всё-таки забрала обратно.

— Она вас приняла, — сказала Оля. — Обычно сразу забирает.

— Я польщена, — сказала Светлана.

Они помолчали — хорошо, без неловкости. За окном кафе вода была тёмной и тяжёлой, и облака над ней шли низко, цепляясь за горизонт. Светлана смотрела на них и думала про завтра — про точку на карте, про венок Маргарет, про письмо в кармане Виктора, про слова, которые Марк будет произносить над водой.

— Вы завтра будете на церемонии? — спросила она Олю.

— Да. — Оля прижала Соню чуть крепче. — Я привезла фотографию прадеда Михаила. Хочу держать её в руках, когда будем там стоять. Пусть он тоже видит.

— Это хорошо, — сказала Светлана.

— Вы верите в такие вещи? — спросила Оля. — Что они видят?

Светлана подумала.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Но я думаю, что когда мы держим их фотографии и помним их имена — они точно существуют. Хотя бы так.

Оля смотрела на неё.

— Михаил говорил похожее, — сказала она тихо. — Говорил: пока помнят — живу.

***

После обеда Светлана поднялась в каюту, открыла ноутбук и написала Панову коротко: «Есть ещё одна история. Михаил Коваль, третий класс, выжил. И безымянный человек, который его спас. Это пойдёт отдельным материалом.»

Ответ пришёл через минуту: «Безымянный — это сильно. Пиши.»

Она закрыла переписку и открыла новый документ.

Долго смотрела на пустую страницу.

Потом написала заголовок: «Человек без имени.»

И начала.

Писала про Михайла — про шахты в Канаде, про свой дом, про шестерых детей и про девяносто шесть лет, которые он прожил вместо кого-то. Писала про Соню с солонкой — пятую праправнучку, которая ещё не знает ничего про апрель двенадцатого года, но уже несёт в себе его отзвук, просто существуя.

А потом писала про незнакомца.

Про человека, которого мы не знаем. Чьего имени нет в списках выживших — или есть, но мы не можем его найти, потому что не знаем, кого искать. Который в ту ночь, когда можно было думать только о себе, остановился и показал дорогу.

Она написала: «Может быть, он выжил. Может быть — нет. Мы не знаем. Но вот что мы знаем точно: благодаря ему сегодня в кафе на борту «Атлантика» маленькая девочка по имени Соня протягивает незнакомым людям солонку и забирает обратно. Это и есть след, который человек оставляет в мире. Не памятник, не запись в списке, а Соня с солонкой.»

Она перечитала последний абзац.

Оставила как есть.

***

В четыре часа дня по корабельному радио объявили о лекции — в конференц-зале на палубе «Б», историк из Оксфорда, профессор Алан Уотсон, рассказывал о «Титанике»: не о катастрофе, а о людях. О том, кем они были до того, как сели на корабль.

Светлана пошла.

Зал был небольшим, но почти полным — человек шестьдесят, не меньше. Она нашла место у стены, достала блокнот.

Уотсон оказался невысоким, лет пятидесяти пяти, в твидовом пиджаке и очках с круглыми стёклами. Он говорил без микрофона — просто потому что умел говорить так, что его слышали.

— Я хочу начать с одного факта, — сказал он, когда зал утих. — На «Титанике» плыли люди из пятидесяти шести стран мира. Пятидесяти шести. Среди них были миллионеры и эмигранты без гроша в кармане, дипломаты и шахтёры, новобрачные и одинокие старики. Их объединяло одно: они все хотели куда-то попасть. У каждого было место назначения. У каждого был кто-то, кто ждал.

Он сделал паузу.

— Вот об этом я и хочу говорить сегодня, — сказал он. — Не о том, как они погибли. А о том, куда они плыли.

В зале было тихо — той особой тишиной, которая бывает, когда человек говорит точно то, что нужно, и все это чувствуют одновременно.

Светлана писала.

Маргарет сидела в третьем ряду — прямая спина, сложенные руки. Виктор — у противоположной стены, с термосом. Марк — Светлана увидела его через несколько голов — сидел в середине зала, чуть наклонившись вперёд, с тем сосредоточенным выражением, с каким слушают что-то важное.

Оля пришла без Сони — видимо, оставила с кем-то. Сидела в последнем ряду, держала на коленях телефон экраном вниз.

Уотсон говорил час.

Он рассказывал про Иду Страусс — жену владельца универмага «Мэйсис», которая отказалась садиться в шлюпку без мужа. Сказала: мы прожили вместе столько лет, я не оставлю тебя сейчас. Они сели вместе на палубные шезлонги и держались за руки, пока вода не поднялась к ним.

Он рассказывал про Чарльза Джафа — молодого телеграфиста, который остался на борту до последнего, передавая сигналы бедствия. Его спасли, но он провёл в ледяной воде больше часа и до конца жизни не мог вспоминать об этом без дрожи в руках.

Он рассказывал про Маргарет Браун — американку из Денвера, которую потом прозвали Непотопляемой Молли. Она не просто выжила — она в шлюпке взяла весло и заставила грести остальных, а потом организовала сбор средств для выживших прямо на борту «Карпатии», которая их подобрала.

— История любит выживших, — сказал Уотсон. — Это понятно — у них есть голос. Они могут рассказать. Но я всегда думаю о тех, кто не выжил. У них не было возможности рассказать свою историю самим. Значит, это должны делать мы.

Он посмотрел на зал.

— Вот почему этот рейс важен, — сказал он тихо. — Не потому, что красивый корабль и красивый маршрут. А потому, что вы все здесь — каждый из вас — несёте чью-то историю. И завтра, когда мы придём в ту точку, вы отдадите её обратно океану. Вернёте туда, откуда она пришла.

В зале было совсем тихо.

Потом кто-то в переднем ряду негромко захлопал, и аплодисменты подхватили, но тоже тихо, без той обычной концертной громкости. Как хлопают, когда не хотят нарушать что-то.

***

После лекции люди расходились медленно — задерживались, переговаривались, подходили к Уотсону с вопросами. Светлана записала несколько цитат и пошла к выходу.

В дверях её нагнал Марк.

— Про Иду Страусс знали? — спросил он.

— Читала. Но когда слышишь вслух — это другое.

— Да. — Он шёл рядом по коридору, не торопясь. — «Мы прожили вместе столько лет». — Он произнёс это тихо, просто, без интонации. — Вот это и есть настоящее.

— Что?

— Когда не думаешь, а просто знаешь, — сказал он. — Что останешься, что не уйдёшь без него.

Светлана шла рядом и молчала.

— Джон никогда так не любил, — сказал Марк. — Или любил — и мы не знаем. Мэри ждала его три года, но он сам просил её подождать. Может, и у него было что-то такое внутри, просто он не успел это понять до конца.

— Двадцать девять лет, — сказала Светлана тихо. — Ещё успел бы.

Марк посмотрел на неё.

— Да, — сказал он. — Успел бы.

Они вышли в галерею с панорамными окнами. За стеклом вечерело — небо над океаном стало тёмно-серым, почти лиловым у горизонта, и вода под ним была тяжёлой, маслянистой, без бликов.

— Завтра, — сказал Марк, останавливаясь у окна. — Завтра мы будем там.

— Да.

— Вы боитесь?

Светлана подумала — по-настоящему, как думал Виктор утром.

— Нет, — сказала она. — Но я чувствую что-то. Не знаю точного слова.

— Я знаю, — сказал Марк. — Это называется — готовность. Когда понимаешь, что завтра будет что-то важное, и ты к этому готов, и при этом всё равно немного не знаешь, как это будет.

Светлана посмотрела на него.

— Вы хорошо формулируете, — сказала она. — Для человека, у которого русский второй язык.

— Третий, — сказал он. — Английский, французский, потом русский.

— Ещё лучше.

Он чуть улыбнулся — той же тихой, немного застенчивой улыбкой, которую она видела в первый раз в кафе. Светлана заметила, что эта улыбка появляется редко и всегда неожиданно — как будто он сам не планировал.

За окном темнело быстро — океан поглощал свет раньше, чем это делает суша. Горизонт исчез, и теперь было только стекло, и за ним — темнота, в которой угадывалась вода.

— Вы ужинаете сегодня? — спросил Марк.

— Наверное. — Она вспомнила, что не думала об этом. — В каком-нибудь кафе.

— Я знаю одно место на палубе «Б», — сказал он. — Маленькое, без дресс-кода. Там подают отличную рыбу.

Светлана посмотрела на него.

— Кто вам рассказал?

— Томас, — сказал Марк. — Тот, что дежурит на ресепшн. Он оказался разговорчивым.

— Он первым делом принёс мне шампанское, — сказала Светлана.

— Мне тоже. — Марк убрал руки в карманы. — Так вы идёте?

Это не было приглашением в том смысле, в котором слово «приглашение» обычно произносится — с нажимом, с ожиданием, с определённым подтекстом. Это было проще: человек предлагал поужинать, потому что так удобнее, чем есть одному.

И именно эта простота была права.

— Иду, — сказала Светлана.

***

Кафе на палубе «Б» было действительно маленьким — восемь столиков, деревянные панели на стенах, иллюминаторы вместо окон и запах, в котором смешивались рыба, лимон и что-то деревянное, смоляное.

Они взяли палтуса — Марк спросил у официанта, тот рекомендовал без колебаний, и Светлана решила, что Кевин из дневного кафе был бы доволен таким подходом.

Ели не торопясь. Говорили — про лекцию, про Уотсона, про Иду Страусс. Потом Марк рассказал что-то про свою работу — он занимался морской историей, писал книги, преподавал в Эксетере. Это объяснило и книги, и то, как он слушал лекцию, и то, что он знал про Джона Хэллоуэя куда больше, чем знает средний правнук.

— Вы написали книгу про «Титаник»? — спросила Светлана.

— Нет. — Он отложил вилку. — Я не смог. Это слишком личное.

— А теперь?

Он посмотрел на неё.

— Не знаю. — Пауза. — Может, после завтрашнего дня посмотрю.

— Иногда нужно сначала прийти туда, — сказала Светлана. — Физически. Встать над этой водой. И тогда что-то отпускает.

— Вы проверяли?

— Нет, — сказала она. — Но я видела достаточно людей, которым это помогало.

Он смотрел на неё — внимательно, как смотрит человек, который слышит не только слова, но и то, что за ними.

— Вы много видели, — сказал он. — Для своих лет.

— Это работа.

— Нет, — сказал Марк. — Это вы.

Светлана не ответила. Взяла бокал с водой, сделала глоток. За иллюминатором была ночь и океан — невидимый, но ощутимый, как бывает ощутимо что-то очень большое рядом.

— Марк, — сказала она. — Что вы скажете завтра на церемонии?

— Ещё не знаю точно. — Он посмотрел в стол. — Знаю, что скажу его имя. Джон Хэллоуэй. Двадцать девять лет, Саутгемптон. — Пауза. — И, наверное, про письмо. Про то, что он написал матери за два часа до отплытия. Что корабль огромный и красивый и он вернётся.

— Он вернётся, — повторила Светлана тихо.

— Да. — Марк поднял взгляд. — Завтра — вернётся. Через сто тринадцать лет, но вернётся. Мы пришли за ним.

Светлана смотрела на него.

— Это войдёт в статью, — сказала она. — Если разрешите.

— Разрешаю, — сказал он. — Всё разрешаю.

Они помолчали хорошим молчанием — тем, которое за два дня успело стать привычным между ними. Официант принёс чай — они не заказывали, просто принёс, поставил и ушёл. Светлана посмотрела на чашку, потом на Марка.

— Томас, — сказала она.

— Что?

— Томас с ресепшн. Это он распорядился про чай.

Марк посмотрел на чашку.

— Наверное, — сказал он. — Он очень внимательный молодой человек.

— Это хорошее качество.

— Лучшее, — согласился Марк серьёзно.

Светлана взяла чашку. Чай был с чем-то цитрусовым — апельсин или мандарин, она не могла определить точно. Тёплый, правильный для этого вечера.

— Марк, — сказала она, — вы первый раз в море?

— Нет. Я морской историк и часто хожу в море. — Он взял свою чашку. — Но первый раз — вот так. С таким грузом.

— Как вы себя чувствуете?

Он подумал.

— Как человек, который долго нёс что-то тяжёлое, — сказал он наконец. — И знает, что завтра это можно будет поставить на землю. — Пауза. — Точнее, на воду.

— И что потом?

— Потом — не знаю. — Он посмотрел в иллюминатор. — Это я и хочу выяснить. Что будет, когда поставишь.

Светлана кивнула. Не потому что знала ответ, а потому, что вопрос был правильным.

За иллюминатором было темно и ничего не видно — только собственное отражение в стекле, размытое и неточное. Светлана смотрела на него секунду — на эту женщину с тёмными волосами и чашкой чая в руках, которая сидит в маленьком кафе посреди Северной Атлантики и подумала, что три дня назад она стояла в очереди на регистрацию в пермском аэропорту и понятия не имела ни про Маргарет, ни про Виктора, ни про Джона Хэллоуэя с его пирожками и котом, с разочарованным взглядом.

Жизнь умеет удивлять. Иногда золотым билетом.

— Светлана, — сказал Марк.

Она повернулась.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что слушаете. — Он смотрел на неё прямо, без обиняков. — Я не рассказывал про Джона никому за пределами семьи. Никогда. А вам рассказал — вчера в кафе, утром, сейчас. — Пауза. — Я сам не понял как.

— Это значит, что настало время, — сказала Светлана.

— Что?

— Вы сказали, что вчера ещё не были готовы. А сегодня утром — уже были. Значит, за ночь что-то произошло. Это место делает с людьми что-то особенное.

Марк смотрел на неё.

— Может, не только место, — сказал он.

Светлана не ответила. Взяла чашку, сделала глоток. Чай немного остыл, но всё равно был хорошим.

Снаружи гудели двигатели — ровно, методично, неостановимо. Корабль шёл вперёд сквозь ночь и океан, и до точки на карте оставалось меньше суток.

— Вам нужно писать, — сказал Марк. — Я вижу, что вам нужно писать.

— Нужно, — призналась она.

— Идите, — сказал он. — Я ещё посижу.

Светлана встала, взяла куртку.

— До завтра, Марк.

— До завтра, Светлана.

Она пошла к выходу. У двери остановилась — не оборачиваясь, просто остановилась на секунду.

— Про кота с разочарованным взглядом, — сказала она. — Я напишу обязательно.

Она не видела его лица — стояла спиной. Но услышала: он засмеялся. Тихо, коротко, по-настоящему.

Первый раз за два дня.

Она вышла в коридор и пошла к себе — по бордовому ковру, мимо бронзовых фонарей, мимо закрытых дверей кают, за которыми спали или не спали люди со своими историями, со своими фотографиями, письмами и именами, которые они везли сюда через океан.

В каюте она открыла ноутбук и написала одну строчку — просто, чтобы не забыть до утра:

«Может, не только место.»

Потом закрыла ноутбук и легла.

Лежала на спине, смотрела в потолок. Корабль покачивался — чуть сильнее, чем вчера, волна стала длиннее, и это чувствовалось в том, как каюта медленно наклонялась и возвращалась, наклонялась и возвращалась — как дыхание.

Она думала про завтра.

Про то, как они придут в ту точку — просто координаты на карте, сорок один градус сорок три минуты северной широты, сорок девять градусов пятьдесят шесть минут западной

долготы, и как лайнер остановится, и будет только вода вокруг до горизонта во все стороны, и где-то под ними, на глубине почти четырёх километров, — корабль.

Она думала про Маргарет, которая опустит венок за Элис и за Томми.

Про Виктора с письмом Анны, которое сто с лишним лет в пути, но завтра, наконец, дойдёт до адресата.

Про Марка, который скажет вслух над водой: Джон Хэллоуэй, двадцать девять лет, Саутгемптон.

Про Олю с фотографией прадеда Михаила.

Про Бреннана на мостике, чей прадед Джеймс работал в трюме и никогда не видел открытого моря.

Про всех их.

И про тех, за которыми никто не приехал — потому что некому, потому что сто тринадцать лет прошло, и оборвались нити, и имена остались только в списках, напечатанных мелким шрифтом в архивных документах, которые никто не открывает.

Она думала: я напишу и про них тоже. Про безымянного мужчину, который показал Михаилу дорогу. Про всех безымянных, которые в ту ночь сделали что-то хорошее и не оставили следа — только рябь на поверхности истории, которую уже не прочитать.

Это тоже работа.

Это, может, и есть главная работа.

Она закрыла глаза.

Корабль дышал вокруг — двигатели, вода, далёкие голоса где-то наверху, шаги по коридору, потом тишина. Качка убаюкивала — методично, как метроном.

Светлана уснула.

Глава 8

Она проснулась в шесть утра.

Не от будильника — просто открыла глаза и поняла, что больше не спит. За иллюминатором было почти темно — предрассветная серость, в которой небо и вода снова слились в одно.

Она лежала и слушала корабль.

Что-то изменилось — она не сразу поняла что. Потом поняла: двигатели гудели тише. Не так, как ночью — тот ровный, уверенный гул крейсерской скорости. Сейчас — медленнее, осторожнее. Как будто корабль тоже чувствовал, что они приближаются.

Она встала, подошла к иллюминатору.

Открыла.

Воздух был холодным — по-настоящему холодным, не тем бодрящим холодом прошлых дней, а каким-то другим, более серьёзным. Она вдохнула и почувствовала, как он входит в лёгкие тяжело, почти плотно, как будто в нём было что-то лишнее или что-то особенное.

Вода за бортом была тёмно-серой и очень спокойной.

Почти неподвижной.

Светлана стояла у открытого иллюминатора, смотрела на эту воду, и думала: где-то под ней прямо сейчас лежит корабль. Может, они уже над ним. Может, рядом. Они шли всю ночь, и каждую минуту становились ближе, и теперь — утро последнего дня, и до церемонии восемь часов.

Она закрыла иллюминатор, умылась и оделась.

Тёплый свитер, тёплые носки, куртка. Шарф, который она почти не доставала, сегодня пригодится.

Взяла блокнот и вышла.

Коридоры в такой час были пустыми — только один из стюардов, который катил тележку с завтраком куда-то в конец палубы, кивнул ей молча. Светлана кивнула в ответ.

Она поднялась на верхнюю палубу.

И остановилась.

Там уже были люди.

Не много — человек пятнадцать, может, двадцать. Стояли вдоль лееров — порознь, небольшими группами и смотрели на воду. Молча. Никто не разговаривал, никто не фотографировал. Просто стояли и смотрели.

Светлана подошла к лееру.

Вода внизу была абсолютно другой, чем все предыдущие дни.

Она не могла объяснить это рационально — вода как вода, тот же океан, то же небо над ним. Но что-то в ней было иным. Может, цвет — тёмнее, глубже, без той синевы, которая бывает на солнце. Может, движение — она шла медленными тяжёлыми волнами, без мелкой ряби, как будто дышала из глубины, а не с поверхности.

А может, это было просто знание.

Они пришли.

Светлана не знала точно — объявления ещё не было, капитан Харрис не выходил на связь, но она знала. Чувствовала через борт, через металл, через холодный воздух.

Рядом с ней у лееров появился Виктор — тихо, как будто всегда стоял.

Она не обернулась. Он не поздоровался.

Они просто стояли рядом и смотрели на воду.

Потом Виктор сунул руку во внутренний карман пиджака — медленно, осторожно — и достал конверт. Тот самый. Держал в руках, смотрел на него. На конверте было написано

от руки — выцветшими чернилами, старославянским почерком, который Светлана не могла прочитать с такого расстояния, но знала, что там написано.

«Николаю Соловьёву. Туда, где он теперь есть.»

— Мы пришли, — сказал Виктор тихо. Не ей — просто вслух.

— Пришли, — сказала Светлана.

Он убрал конверт обратно. Бережно, двумя руками.

С другой стороны к лееру подошла Маргарет — её привёл молодой стюард, придерживающий под локоть, но она шла сама, твёрдо, несмотря на утреннюю качку. В руках у неё был небольшой венок — белые цветы, зелень, белая лента - простой, без лишнего пафоса.

Стюард что-то сказал ей тихо. Она покачала головой — мол, не нужно, я сама и он отступил на шаг, оставшись рядом.

Маргарет встала у лееров и посмотрела вниз.

Долго смотрела.

Светлана видела её в профиль — эту маленькую прямую фигуру с белым венком в руках, на фоне серого неба и тёмной воды. Что-то в этом было очень простым и очень огромным одновременно.

Она не доставала блокнот.

Некоторые вещи не записывают. Некоторые вещи просто видят и несут в себе.

В восемь утра по корабельной трансляции заговорил Харрис.

Голос у него был тем же, что за ужином, — спокойным, без пафоса. Именно это делало его слова весомыми.

— Доброе утро, — сказал он. — Мы находимся в точке сорок один градус сорок три минуты северной широты, сорок девять градусов пятьдесят шесть минут западной долготы. Это место гибели «Титаника». Мы снизили скорость до минимума. Церемония начнётся в тринадцать тридцать на верхней палубе. До этого времени прошу всех, кто хочет побыть здесь наедине с этим местом — выходите. Палуба открыта.

Щелчок. Тишина.

На палубе никто не пошевелился — все и так уже были здесь.

***

Светлана спустилась в кафе около девяти — не потому что хотела есть, а потому, что нужно было написать. Пока свежо. Пока вода из открытого иллюминатора ещё стоит в лёгких.

Кевин принёс кофе без вопросов.

Она открыла ноутбук и написала одним длинным куском — про утро, про палубу, про Виктора с конвертом, про Маргарет с венком в профиль на фоне серого неба. Писала быстро, почти без правки — иногда так бывает, когда пишешь не из головы, а из того, что увидел и что это с тобой сделало.

Отправила Панову в половине десятого.

Он ответил через пять минут — быстро даже для него: «Света! Это не статья уже. Это книга! Заканчивай рейс и приезжай — будем разговаривать.»

Она смотрела на экран.

Потом написала: «Сначала церемония.»

«Конечно», — ответил Панов. «Сначала церемония.»

***

Марк пришёл в кафе в десять.

Увидел её, подошёл, сел напротив — молча, без предисловий. Заказал чай. Смотрел в иллюминатор.

Светлана не спрашивала ничего — просто работала рядом, и это было правильно.

Минут через десять он сказал:

— Я был на палубе с шести утра.

— Я знаю, — сказала она. — Я вас видела.

Он посмотрел на неё.

— Вы не подошли.

— Вы стояли один, — сказала Светлана. — Это было правильно.

Марк помолчал. Взял чашку — согрел руки, не пил.

— Я стоял и думал про письмо, — сказал он. — Про последнее письмо. Про «я вернусь богатым или не вернусь вовсе». — Пауза. — Он пошутил, а оказалось — правда. Не вернулся вовсе. — Он поставил чашку. — Я всегда знал это умом. Сегодня утром — почувствовал, первый раз по-настоящему.

Светлана закрыла ноутбук.

— Расскажите, — сказала она.

— Что именно?

— Что почувствовали? Как это было?

Марк смотрел в иллюминатор — на воду, которая снаружи была серой и неподвижной.

— Я стоял у борта, — сказал он медленно. — Смотрел вниз и думал: он был здесь. Не где-то в истории, не в архиве, не в письмах, а прямо здесь. В этой воде. Это не метафора. Это буквально — вот эта вода. — Он помолчал. — И я вдруг понял, что злюсь.

— На что?

— На то, что он умер в двадцать девять лет. — Голос его остался ровным, но что-то под ним изменилось, как меняется поверхность воды, когда что-то движется глубоко внизу. — Он не успел открыть своё дело. Не вернулся к Мэри. Не увидел, вышла ли она замуж, родились ли у неё дети. Не состарился. Не успел ничего из того, что планировал. — Пауза. — Сто тринадцать лет я — то есть моя семья — несли эту историю. И всё это время в ней было горе. Правильное, тихое, приличное горе. А сегодня утром я понял, что внутри горя была злость. Просто никто не давал ей имени.

Светлана слушала.

— Это нормально, — сказала она тихо. — Злиться.

— Я знаю, — сказал он. — Теперь знаю. — Он, наконец, отпил чай. — Знаете, что странно? Когда я понял про злость — стало легче. Как будто что-то разжалось.

— Потому, что это честнее, — сказала Светлана. — Горе без злости — это половина правды.

Марк посмотрел на неё.

— Вы говорите как человек, который это знает, — сказал он. — Не теоретически.

Светлана не ответила сразу. Взяла кофе, который давно остыл, сделала глоток.

— Мой отец умер три года назад, — сказала она. — Внезапно остановилось сердце. Ему было пятьдесят восемь. — Пауза. — Я долго горевала правильно, тихо, прилично. А потом однажды ночью проснулась и почувствовала такую злость, что не могла дышать. На него — за то, что не берёг себя. На себя — за то, что не настояла. На всё вообще. — Она поставила чашку. — Утром стало легче. Первый раз за три года.

Марк молчал.

— Мне жаль, — сказал он. — Про отца.

— Спасибо. — Она открыла ноутбук снова. — Он был бы рад про первую полосу.

— Расскажите про него, — сказал Марк.

Светлана посмотрела на него — немного удивлённо.

— Зачем?

— Потому, что вы знаете про всех нас, — сказал он просто. — А мы про вас — ничего.

Она думала секунду.

— Он был учителем истории, — сказала она. — В обычной школе, в Перми. Тридцать лет. Знал наизусть даты всех крупных сражений и имена всех командующих, и рассказывал

про них так, как будто лично присутствовал. — Она чуть улыбнулась. — Ученики его просто обожали. Говорили, что это единственный учитель, у которого не спишь на уроке.

— Он читал ваши статьи?

— Каждую, — сказала Светлана. — Распечатывал и складывал в папку. У него была целая папка — синяя, с подписью «Светланины». — Пауза. — После его смерти я нашла эту папку в ящике стола. Там было всё — от первой заметки в студенческой газете до последнего материала перед его смертью. Каждая страница. — Она смотрела в стол. — Некоторые были с пометками на полях. Карандашом. «Хорошо», «точно», «вот это сильно». Иногда просто галочка.

Марк молчал.

— Папка сейчас у меня дома, — сказала Светлана. — На полке. Я её не открываю, но знаю, что она там.

— Это как письма Джона, — сказал Марк тихо.

Светлана подняла взгляд.

— Да, — сказала она. — Наверное.

Они помолчали — долго, без неловкости. Кевин прошёл мимо, забрал пустые чашки, принёс новые, ничего не спросил. Светлана подумала, что Кевин, возможно, лучший человек на этом корабле.

— Он бы радовался этому рейсу, — сказала она наконец. — Отец. Он про «Титаник» знал всё. Рассказывал про него в школе каждый год, как про пример того, как человеческая самонадеянность сталкивается с реальностью. — Пауза. — Он говорил: не корабль утонул. Утонула уверенность в том, что человек сильнее стихии.

— Умный человек, — сказал Марк.

— Да, — сказала Светлана. — Умный. И добрый. Это редкое сочетание.

— Редкое, — согласился Марк.

Он смотрел на неё — внимательно, спокойно, без того, чтобы это было тяжело. Светлана заметила, что его взгляд вообще никогда не бывает тяжёлым — он смотрит так, как смотрят люди, которые умеют слушать по-настоящему, не готовя ответ, пока говорит другой.

— Вы напишете ему что-нибудь? — спросил Марк. — Сегодня. На церемонии.

Светлана смотрела на него.

Она не думала об этом. Не планировала. Она ехала сюда как журналист — писать про других, про их письма, венки и имена, которые они произносят над водой.

— Не знаю, — сказала она медленно.

— Подумайте, — сказал Марк. — До тринадцати тридцати ещё есть время.

***

Она провела следующие два часа на верхней палубе.

Не писала — просто ходила вдоль лееров или стояла, смотрела на воду. Народу прибавилось — к полудню на палубе было человек сорок, и все вели себя примерно одинаково: тихо, без суеты, каждый в своём пространстве.

Белобрысый из вчерашнего ужина тоже был здесь.

Он стоял у носового леера один, без телефона, без приятеля — просто стоял и смотрел вниз. Светлана прошла мимо и не остановилась. Потом всё же остановилась — в нескольких шагах, достаточно далеко, чтобы не вторгаться.

Он был совсем молодым. Лет двадцать два, может, двадцать три. На лице не было вчерашней бравады — просто молодой человек, который смотрит на воду и думает о чём-то, о чём вчера ещё не думал.

Светлана пошла дальше.

У кормы она нашла Олю с Соней. Соня спала в слинге — прижалась к материнскому плечу, щека расплющена, рот чуть приоткрыт. Оля стояла у лееров и держала в руках фотографию — небольшую, чёрно-белую, в прозрачном файле.

Светлана подошла.

— Можно? — спросила она тихо, кивнув на фотографию.

Оля протянула.

Михаил Коваль смотрел с фотографии серьёзно — как смотрели люди на старых снимках, когда фотография была редкостью и к ней относились соответственно. Молодой, широкоплечий, в пиджаке не по размеру — чуть великоватом в плечах. Тёмные волосы, прямой нос, плотно сжатые губы.

Живые глаза.

Даже на выцветшей чёрно-белой фотографии — живые.

— Ему здесь сколько лет? — спросила Светлана.

— Двадцать пять, — сказала Оля. — Снято через три года после «Титаника». Это первая фотография, которая у нас есть.

Светлана смотрела на него.

Михаил Коваль, двадцать пять лет. Позади — ледяная вода и незнакомый мужчина, который показал дорогу. Впереди — шахты в Канаде, свой дом, жена, шестеро детей, девяносто шесть лет и праправнучка Соня, которая спит сейчас на плече у своей матери посреди Северной Атлантики, в точке, где всё это когда-то началось.

Светлана вернула фотографию.

— Он хорошо выглядит, — сказала она.

— Да, — сказала Оля. — Он всегда хорошо выглядел. До самого конца — прямой, крепкий. Говорил, что шахты закалили. — Она убрала фотографию бережно, прижала к груди. — Светлана, вы будете говорить на церемонии?

— Не знаю ещё.

— Говорите, — сказала Оля. — Вы умеете.

Светлана смотрела на воду.

— Посмотрим, — сказала она.

***

В час дня она спустилась в каюту.

Села за стол. Открыла блокнот на чистой странице.

Долго смотрела на неё.

Потом написала вверху одно слово: «Папа.»

И остановилась.

Не потому что не знала, что писать — знала. Слова были, они всегда были, это её работа. Но что-то держало руку.

Она думала про отца за столом на кухне в Перми — в субботу утром, со своей неизменной кружкой чёрного чая, с газетой, которую он читал медленно, основательно, от первой страницы до последней. Думала про его очки — круглые, в тонкой оправе, которые он всегда искал и которые всегда лежали на одном и том же месте, он просто каждый раз забывал. Думала про его голос — низкий, чуть хрипловатый по утрам, которым он читал ей вслух исторические анекдоты, которые сам считал гениальными и которые она притворялась, что не понимает, хотя понимала.

Она думала про синюю папку с надписью «Светланины.»

Написала:

«Папа. Я в точке, где затонул «Титаник». Я знаю, что ты бы сказал — «не корабль утонул, утонула самонадеянность». Я помню. Здесь есть люди, которые везли письма, фотографии и имена — через сто тринадцать лет, через океан. Я думаю, что ты понял бы их лучше всех. Ты всегда понимал, что история — это не даты. Это люди. Ты меня этому научил. Я пишу про людей. Надеюсь, правильно. Надеюсь, ты бы сказал — хорошо. Поставил бы галочку карандашом.»

Она остановилась.

Перечитала.

Добавила внизу:

«Скучаю. Света.»

Сложила листок — аккуратно, вчетверо. Убрала в карман куртки.

Встала, надела куртку, шарф.

Посмотрела на себя в зеркало у двери — женщина с тёмными волосами и листком бумаги в кармане. Журналист из Перми, посреди Северной Атлантики, тринадцать двадцать пять.

Пора.

***

На верхней палубе было человек сто, не меньше.

Все пассажиры, весь экипаж, не занятый вахтой. Стояли вдоль лееров, на ступенях надстройки, плечом к плечу — тихо, без толкотни. Ветер был холодным и ровным, и волосы у всех летели в одну сторону.

Харрис стоял у микрофона — простая стойка, никакой сцены. За ним — океан, серый и огромный, до горизонта.

Светлана нашла место у правого борта. Рядом оказался Виктор — с конвертом в руке, застёгнутый на все пуговицы, прямой. Чуть дальше — Маргарет с венком, рядом с ней стюард. Оля с Соней, которая проснулась и смотрела на всё вокруг серьёзными глазами. Бреннан в форме, у носовой части.

Марк стоял в нескольких шагах от неё.

Поймал её взгляд. Кивнул.

Она кивнула в ответ.

Харрис взял микрофон.

— Мы пришли, — сказал он. — Сорок один градус сорок три минуты северной широты. Сорок девять градусов пятьдесят шесть минут западной долготы. Четырнадцать часов одна минута. Сто тринадцать лет спустя.

Он помолчал.

— Под нами, на глубине трёх тысяч восьмисот метров, лежит «Титаник». Две тысячи двести двадцать четыре человека поднялись на его борт в апреле двенадцатого года. Семьсот четыре выжили. Тысяча пятьсот двадцать — нет. — Он говорил ровно, без интонационных подъёмов, без ораторских пауз. Просто говорил. — Мы не будем сегодня говорить о причинах катастрофы. Не будем говорить о том, что можно было сделать иначе. Сегодня мы говорим только о людях. О тысяче пятистах двадцати и о семистах четырёх. О тех, кто ждал на берегу. О тех, кто ждёт до сих пор — их правнуки и праправнуки, которые стоят сейчас рядом со мной.

Он опустил микрофон на секунду. Посмотрел на воду.

— Я попрошу всех, кто хочет сказать слово — выходите. Времени достаточно. Океан никуда не торопится.

Первой вышла Маргарет.

Стюард помог ей подойти к микрофону, потом отступил. Маргарет стояла прямо — маленькая, лёгкая, в тёмном пальто, с белым венком.

— Меня зовут Маргарет Коллинз, — сказала она по-английски. Голос у неё был твёрдым. — Мне девяносто один год. Моя мать, Элис Коллинз, была на «Титанике». Ей было семь лет. Она выжила. Её брат Томми — нет. Ему было пять.

Пауза.

— Томми любил лошадей. Мама рассказывала. Он всегда останавливался у любой лошади, стоял и смотрел, пока его не уводили. Он не успел научиться читать. — Она помолчала. — Мама прожила девяносто три года. Каждый апрель — каждый, без исключений — она

ставила на стол стакан воды и молчала час. Я спросила однажды зачем. Она сказала: чтобы помнить, какая она была. Вода.

Маргарет опустила взгляд на венок в руках.

— Томми. — Она произнесла это тихо, но микрофон взял. — Вот ты где. Мы пришли.

Она подошла к борту. Наклонилась. Опустила венок на воду.

Белые цветы легли на серую поверхность — и остались. Покачивались, но держались.

Маргарет смотрела на них долго.

Потом отошла от борта, и стюард снова взял её под локоть.

На палубе было совсем тихо — только ветер и вода.

Следующим вышел Виктор.

Он шёл к микрофону медленно, основательно — как человек, который знает, что делает каждый шаг правильно. Достал конверт из кармана, держал в руках.

— Виктор Соловьёв, — сказал он по-русски, и кто-то у микрофонной стойки тихо переводил в наушник для тех, кто не понимал. — Мой прадед Николай Соловьёв плыл на «Титанике» третьим классом. Ему было тридцать шесть лет. Он ехал в Америку на заработки — хотел привезти деньги семье, построить дом, но не доплыл.

Он посмотрел на конверт.

— Его жена, Анна, написала ему письмо после гибели. Она не знала, что писать людям, которые умерли, поэтому написала так, как будто он живой. Рассказала про детей — как они выросли, кем стали. Про урожай того года. Про соседскую корову, которую все невзлюбили. — Виктор чуть качнул головой. — Анна была очень конкретным человеком. Она не умела говорить в пустоту — ей нужны были детали.

На палубе кто-то тихо засмеялся — и это было правильно.

— Это письмо передавали в семье сто тринадцать лет, — продолжал Виктор. — Никто его ни разу не вскрывал. Анна запечатала — так и хранили. — Он помолчал. — Я не знаю, что в нём написано. И не буду знать. Это письмо Николаю — не мне.

Он подошёл к борту.

Держал конверт над водой.

— Николай. — Голос его не дрогнул. — Анна писала тебе, что дети выросли хорошими. Я подтверждаю. Правнуки тоже ничего.

Он разжал руку.

Конверт упал на воду — медленно, как падает лист — и лёг рядом с венком Маргарет. Белый прямоугольник на серой воде.

Виктор смотрел на него, пока течение не начало уносить конверт — медленно, в сторону кормы. Потом отошёл от борта. Сел на своё место, сложил руки на коленях.

Светлана видела его лицо и впервые за эти два дня он не выглядел усталым.

Бреннан вышел без микрофона — просто встал у борта, снял фуражку и держал перед собой.

— Джеймс Бреннан, — сказал он по-английски. — Кочегар. Машинное отделение. Он никогда не видел открытого моря.

Больше ничего не сказал. Надел фуражку. Вернулся на место.

Этого было достаточно.

Оля вышла с Соней на руках и с фотографией Михаила в руке.

— Михаил Коваль, — сказала она. — Двадцать два года, третий класс. Выжил. — Она подняла фотографию. — Вот он. Хочу, чтобы он тоже был здесь. — Помолчала. — И ещё один человек. Мы не знаем его имени. Он показал Михаилу дорогу к шлюпкам в ту ночь. Без него не было бы ни Михаила, ни меня, ни Сони. — Она посмотрела на воду. — Где бы ты ни был — спасибо.

Соня смотрела на воду серьёзными глазами, как будто понимала.

Потом выходили другие люди, которых Светлана не знала по именам, но видела на палубе, в кафе, за ужином. Каждый произносил имя. Одно, два, три. Иногда только имя — и этого хватало. Иногда несколько слов. Один пожилой мужчина из Японии сказал только дату рождения и дату гибели своего деда — и поклонился воде.

Харрис стоял в стороне и не торопил никого.

Марк вышел предпоследним.

Подошёл к микрофону — спокойно, без спешки. Достал из кармана сложенный листок. Развернул.

— Джон Хэллоуэй, — сказал он по-русски — намеренно, Светлана поняла это сразу. — Саутгемптон. Двадцать девять лет. Второй класс. Ехал открывать дело в Нью-Йорке. Три года копил на билет.

Он посмотрел на листок.

— Он писал матери каждую неделю. Про маленькое — про туман над Темзой, про пирожки с углового лотка, про соседского кота, который смотрел на улицу с видом глубокого разочарования. — На палубе снова кто-то тихо улыбнулся. — В последнем письме, за два часа до отплытия, он написал: «Корабль огромный и красивый. Не волнуйся за меня. Я вернусь богатым человеком или не вернусь вовсе» — и добавил, что пошутил.

Марк сложил листок.

— Он не вернулся. Мэри, его невеста, до конца жизни хранила его письма — пачку, перевязанную синей лентой. — Пауза. — Джон не успел ничего из того, что планировал. Но он умел замечать смешное. Умел радоваться мелочам. — Марк посмотрел на воду. — Думаю, ему было бы важно, чтобы это тоже помнили. А не только дату гибели.

Он подошёл к борту. Опустил листок на воду.

Постоял.

— Мы пришли за тобой, Джон, — сказал он тихо. — Через сто тринадцать лет, но пришли.

Отошёл.

Проходя мимо Светланы, на секунду остановился.

— Ваша очередь, — сказал он тихо.

Светлана смотрела на воду — на венок Маргарет, на конверт Виктора, на листок Марка, которые плыли рядом, медленно расходясь.

Потом сунула руку в карман куртки.

Достала сложенный листок.

Подошла к микрофону.

Долю секунды стояла молча — не потому что не знала, что говорить. Просто давала себе секунду.

— Меня зовут Светлана Громова, — сказала она. — Я журналист из Перми. Я приехала сюда писать про других людей, про их истории. — Она посмотрела на листок в руках. — Но мой отец был учителем истории. Он говорил: история — это не даты, это люди. Он научил меня писать про людей. — Пауза. — Его звали Андрей Громов. Ему было пятьдесят восемь лет, когда он умер. Он хранил все мои статьи в синей папке и делал пометки карандашом на полях. «Хорошо». «Точно». «Вот это сильно». Иногда просто галочку.

Она остановилась.

Голос не дрожал — она не позволила. Но что-то в горле стало плотным, как бывает, когда держишь что-то тяжёлое и знаешь, что держишь правильно.

— Он не имеет отношения к «Титанику», — сказала она. — Но он имеет отношение к тому, зачем я здесь. Потому что без него я бы не умела слушать людей. Не умела бы писать про них так, чтобы это было важно. — Пауза. — Папа, ты бы сказал, что это место — про самонадеянность человека перед стихией. Ты был бы прав. Но я думаю, что оно ещё про другое.

Про то, что люди помнят друг друга. Через сто лет, через океан, через всё. Помнят — значит, любят. Ты меня этому тоже учил.

Она подошла к борту.

Подержала листок над водой.

Отпустила.

Он лёг на поверхность рядом с остальными — рядом с венком Маргарет, с конвертом Виктора, с листком Марка. Маленький белый прямоугольник.

Светлана смотрела на него.

Думала про синюю папку на полке. Про кружку чёрного чая в субботу утром. Про очки, которые всегда лежали на одном и том же месте.

Про галочки карандашом.

Потом отошла от борта.

***

Харрис вышел к микрофону последним.

— Тысяча пятьсот двадцать, — сказал он. — Мы помним каждого.

Он кивнул кому-то за спиной.

С кормы в воду опустили большой венок — от экипажа «Атлантика». Белые и синие цветы, широкая лента.

Он лёг на воду рядом со всеми остальными.

Харрис отошёл от микрофона и встал у борта — как обычный человек, не как капитан. Смотрел на воду.

Никто не уходил.

Все стояли и смотрели — на то, как венки, письма и листки медленно расходятся по поверхности, подхваченные течением. Маленькая флотилия памяти посреди Северной Атлантики.

Соня на руках у Оли потянулась к воде маленькой рукой, как тянулась к солонке. Оля придержала её, прижала крепче.

Маргарет стояла у лееров и смотрела на венок — пока он не ушёл достаточно далеко, чтобы его было трудно различить. Потом опустила взгляд.

Виктор стоял прямо, руки вдоль тела. Лицо его было спокойным — по-настоящему спокойным, не тем напряжённым спокойствием, которое Светлана видела в первый день.

Марк стоял рядом с ней.

Плечо к плечу — не намеренно, просто так получилось у борта, когда все подтянулись ближе. Она чувствовала тепло его куртки.

— Как вы? — спросил он тихо, не поворачиваясь.

— Хорошо, — сказала она. И это было правдой. — А вы?

Он помолчал секунду.

— Легко, — сказал он. — Впервые за очень долгое время легко.

Светлана смотрела на воду.

Где-то там, уже невидимый, плыл её листок. Рядом с Джоном Хэллоуэем, Николаем Соловьёвым, Томми Коллинзом и всеми остальными — именами, историями и галочками карандашом на полях.

Она подумала: вот как это работает. Не исчезает, а уходит туда, где хранится всё остальное. В воду, в память, в людей, которые стоят у борта и помнят.

Пока помнят — живут.

Ветер над океаном был холодным и ровным, пах солью и глубиной, и нести его в лёгких было не тяжело.

Совсем не тяжело.

***

Они стояли у борта долго — никто не давал сигнала расходиться, и никто не уходил. Просто стояли, пока стоялось.

Потом, как это бывает, кто-то первый тихо отошёл — пожилая женщина в сером пальто, которую Светлана видела на лекции Уотсона. За ней — двое мужчин, потом японец, который кланялся воде. Постепенно палуба редела — не быстро, без суеты, как расходятся люди после чего-то важного, когда никто не хочет торопиться, но все понимают, что время пришло.

Маргарет ушла одной из первых — стюард проводил её внутрь, придерживая дверь. Перед тем как войти, она обернулась — посмотрела на воду последний раз. Потом кивнула — не кому-то конкретному, просто кивнула и вошла.

Виктор ещё постоял. Потом медленно застегнул верхнюю пуговицу пиджака, как будто собрался куда-то идти, хотя никуда особенно не торопился. Проходя мимо Светланы, остановился.

— Вы хорошо сказали, — произнёс он. — Про отца.

— Вы тоже, — сказала она. — Про Анну и соседскую корову.

Он хмыкнул — тепло.

— Это была ужасная корова, — сказал он. — Я это точно знаю, хотя в письме не читал.

Он пошёл к двери.

Оля помахала Светлане — Соня у неё на руках тоже подняла ладошку, неловко, как машут маленькие дети, которые ещё не очень понимают зачем, но повторяют за мамой.

Светлана помахала в ответ.

На палубе остались только они с Марком.

И Харрис — он стоял у носового лееры, спиной к ним, смотрел на горизонт. Один, без помощников, без экипажа. Просто капитан и океан.

Светлана не стала его беспокоить.

Они с Марком стояли у борта — уже не плечом к плечу, между ними снова были те полшага пространства, которые всегда были, и молчали.

Вода внизу была всё такой же — серой, тяжёлой, живой. Никаких следов венков и писем уже не было видно. Океан взял их тихо, без усилий, просто взял и унёс, как берёт всё, что ему отдают.

— Легче? — спросила Светлана.

— Да, — сказал Марк. — Я говорил уже.

— Я уточняю. Теперь, когда прошло немного времени.

Он подумал.

— Ещё легче, — сказал он. — Как будто что-то закрылось. Не в плохом смысле — в хорошем. Как закрывают книгу, которую, наконец, дочитали.

— Это хорошее сравнение.

— Я работаю с книгами, — сказал он. — Иногда попадаются удачные.

Светлана посмотрела на него.

За двое суток она научилась читать его лицо — не полностью, но достаточно. Сейчас в нём было то, чего она не видела раньше: что-то открытое, без той сдержанной закрытости, с которой он стоял в первый вечер у иллюминатора в галерее.

— Марк, — сказала она. — Что вы будете делать с письмами Джона? После рейса.

Он не ответил сразу.

— Я думал об этом, — сказал он наконец. — Раньше мне казалось, что они должны остаться в семье. Только в семье. — Он помолчал. — Теперь думаю иначе. Может, стоит отдать в архив. В Саутгемптонский морской музей — там есть коллекция документов «Титаника». Пусть люди читают. — Пауза. — Джон умел писать так, что хочется читать. Жаль прятать это в ящике стола.

— Про кота с разочарованным взглядом, — сказала Светлана.

— Именно, — сказал Марк. — Про кота в первую очередь.

Они помолчали.

Харрис у носового лееры не двигался — стоял, смотрел вперёд. Светлана подумала, что он, наверное, тоже говорит что-то — про себя, или просто слушает. Такие люди умеют слушать воду.

— Светлана, — сказал Марк.

— Да?

— Вы читали про отца сегодня. Вслух, перед всеми. — Он смотрел на неё. — Вы планировали это?

— Нет, — сказала она.

— Я так и думал. — Он кивнул — не удивлённо, а как будто это подтверждало что-то, о чём он уже думал. — Это место делает именно так. Вытаскивает то, что не планировал.

— Вы предупреждали, — сказала Светлана.

— Я говорил про себя. Не знал, что и вас тоже коснется.

— Теперь знаете.

Он посмотрел на неё долго, внимательно, тем взглядом, который она уже знала: не тяжёлым, не давящим, а просто настоящим.

— Вам лучше? — спросил он. — Как мне — легче?

Светлана думала.

За эти несколько минут она ещё не успела понять, что именно изменилось и изменилось ли. Слишком близко. Слишком только что.

— Не знаю ещё, — сказала она честно. — Спросите завтра.

— Спрошу, — сказал он.

И в этом «спрошу» не было ничего необязательного. Не вежливая формулировка, а намерение. Светлана это услышала.

***

Харрис, наконец, отошёл от носового леера.

Проходя мимо них, остановился.

— Хорошо сказали, мисс Громова, — произнёс он. — Про отца. Про то, что помнить — значит любить.

— Это не я придумала, — сказала Светлана. — Это один из пассажиров сказал раньше.

— Вы повторили вслух, — сказал Харрис. — Это тоже работа.

Он кивнул им обоим и пошёл внутрь.

***

Они спустились с палубы вместе — не сговариваясь, просто оба двинулись к двери одновременно.

В коридоре было тепло после палубного холода, и этот переход — от ледяного ветра к теплу — ощущался физически, как будто кто-то накрыл плечи.

— Чай? — сказал Марк.

— Да.

Они пошли в маленькое кафе — то, первое, с грифельной доской и полками с книгами. Кевин был там — увидел их, молча принёс два чая и вазочку с чем-то печёным, тёплым. Поставил и ушёл.

— Он экстрасенс, — сказал Марк.

— Или просто внимательный, — сказала Светлана.

— Это одно и то же.

Они сели у окна. За иллюминатором океан был тем же — серым, бесконечным, равнодушным в своём величии. Но что-то в нём изменилось — или изменилось то, как Светлана его видела. Он больше не давил. Просто был.

Она взяла чашку. Чай был горячим — по-настоящему, с паром.

— Марк, — сказала она. — Вы напишете книгу про Джона.

Не вопрос.

Он посмотрел на неё.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вы сказали «закрыл книгу, которую дочитал», — сказала она. — Но это не конец. Это конец одной части. Люди, которые дочитывают одну часть, открывают следующую.

Он молчал несколько секунд.

— Вы всегда так думаете вслух? — спросил он.

— Только когда уверена, — сказала она.

— И часто вы уверены?

— Не часто. — Она взяла кусочек того, что принёс Кевин, — оказалось тёплое печенье с имбирём. — Но в этом случае да.

Марк смотрел в чашку.

— Я думал об этом, — сказал он медленно. — Давно думал. Не мог начать — казалось, слишком личное, чтобы писать публично. Слишком семейное. — Пауза. — Но сегодня, когда я говорил его имя вслух над водой, я понял, что это не только семейное. Джон принадлежит не только нам. Он часть чего-то большего. — Он поднял взгляд. — Как все они.

— Как все они, — повторила Светлана тихо.

— Значит, книга, — сказал Марк. Не вопрос, а решение. Первое, которое он принял вслух.

— Книга, — согласилась она.

Они помолчали — хорошим молчанием, которое за эти двое суток стало почти привычным.

За иллюминатором «Атлантик» разворачивался — медленно, плавно, как разворачивается всё большое и уверенное в себе. Они уходили от точки на карте. Сорок один градус сорок три минуты северной широты, сорок девять градусов пятьдесят шесть минут западной долготы оставалось за кормой.

Светлана смотрела на воду, которая уходила назад — всё быстрее, по мере того как двигатели набирали ход. Белый след за кормой тянулся и таял, тянулся и таял.

Она думала: вот и всё. Пришли, отдали дань памяти и теперь уходим.

Но «всё» было неточным словом. Точнее было другое: вот и началось. Что-то там, в той точке, завершилось и именно поэтому что-то другое теперь могло начаться.

Она достала телефон.

— Поработаете? — спросил Марк.

— Пока свежо хотелось бы.

— Я не мешаю?

— Нет, — сказала она. — Вы никогда не мешаете.

Он взял с полки кафе книгу — какой-то старый английский детектив в потрёпанной обложке. Открыл. Читал или делал вид, что читает — Светлана не уточняла.

Она писала.

Писала про церемонию — про Маргарет с венком и про «вот ты где, мы пришли», про Виктора с незапечатанным конвертом и про соседскую корову, про Бреннана, который снял фуражку и сказал только одно, что его прапрадед никогда не видел открытого моря, — и этого оказалось достаточно. Писала про Олю с фотографией Михаила и про Соню, которая тянулась к воде маленькой рукой.

Писала про безымянного человека, который показал дорогу.

Писала про Марка и про то, как он произнёс «мы пришли за тобой, Джон, через сто тринадцать лет, но пришли» — и как это было простым и огромным одновременно, как бывает только тогда, когда человек говорит именно то, что думает, без украшений.

Про своего отца она не писала — это было не для статьи. Это было для неё.

Но написала последний абзац:

«Тысяча пятьсот двадцать человек погибли в этой точке сто тринадцать лет назад. Сегодня над этой водой стояли их правнуки и праправнуки — с письмами, фотографиями, именами. Они приехали из России, из Беларуси, из Англии, из Ирландии, из Японии. Они говорили на разных языках, но делали одно и то же: отдавали долг памяти. Не потому, что так положено, а потому, что иначе не могли. Потому что помнить — это не обязанность. Это то, как любить людей, которых больше нет.»

Она перечитала.

Оставила.

Отправила Панову.

Потом положила телефон и взяла остывший чай.

***

Панов ответил через двадцать минут.

Одним словом: «Книга.»

Светлана смотрела на экран телефона.

Потом написала: «Ты второй, кто сегодня это говорит.»

«Кто первый?» — спросил Панов.

Она покосилась на Марка, который читал детектив с видом человека, которого детектив не особенно захватывает, но менять книгу лень.

«Один умный человек», — написала она.

«Слушай умных людей», — ответил Панов. «Они редко встречаются.»

Она убрала телефон.

— Хорошие новости? — спросил Марк, не отрываясь от книги.

— Мой редактор говорит, что мне нужно писать книгу.

— Умный редактор.

— Невыносимый, — сказала Светлана. — Но умный.

Марк, наконец, закрыл детектив — заложил пальцем страницу, потом, видимо, решил, что возвращаться не будет, и положил на стол.

— Про что книга? — спросил он.

— Не знаю ещё. — Она смотрела в иллюминатор. — Может, про это. Про людей, которые везут письма через океан. Про то, как память работает — как она передаётся, как хранится, как иногда теряется и как иногда находится снова.

— Это хорошая книга, — сказал Марк.

— Вы ещё не читали.

— Я слышал вас два дня, — сказал он. — Этого достаточно.

Светлана посмотрела на него.

— Марк, — сказала она. — Когда вы вернётесь в Эксетер — вы начнёте писать про Джона?

— Да, — сказал он. Без колебаний.

— Тогда пришлите мне, когда закончите, — сказала она. — Я хочу прочитать.

Он смотрел на неё.

— Это займёт года два, — сказал он. — Может, три.

— Я подожду, — сказала Светлана.

В уголках его глаз появились те мелкие морщинки, которые она уже знала. Он улыбался по-настоящему, не коротко и не застенчиво, а полностью, и это было неожиданно хорошо.

— Хорошо, — сказал он. — Пришлю.

— И про кота отдельно предупредите, — сказала она. — Чтобы я знала, на какой странице.

— Кот будет в первой главе, — сказал Марк. — Обещаю.

***

Кевин принёс ещё чай — снова без вопросов, снова вовремя. Светлана посмотрела на него с нескрываемым уважением.

— Кевин, — сказала она. — Как вы это делаете?

— Что именно? — сказал он.

— Всегда знаете, когда нужно подойти.

Он подумал секунду — серьёзно, как думают люди, которые не привыкли к таким вопросам, но не отмахиваются от них.

— Я смотрю на руки, — сказал он наконец. — Когда человек держит пустую чашку, но не ставит — значит, ещё не готов уходить. Значит, нужно принести еще чая.

Светлана смотрела на него.

— Это мудро, — сказала она.

— Это работа, — сказал Кевин и ушёл.

Марк проводил его взглядом.

— Вы запишете? — спросил он.

— Уже, — сказала Светлана.

***

За иллюминатором день начал меркнуть — не резко, а той долгой северной манерой, когда сумерки растягиваются на несколько часов и свет уходит постепенно, как вода из ванны, — медленно и неотвратимо.

Океан менял цвет: серый становился темнее, тяжелее, и на горизонте появилась та самая полоса, которую Светлана видела в первое утро на мостике — только теперь она была не рассветной, а закатной, и цвет у неё был другим: не молочным, а тёмно-красным, почти бордовым.

— Смотрите, — сказала она.

Марк посмотрел в иллюминатор.

Они оба молча смотрели, как закат разворачивается над Северной Атлантикой, медленный и торжественный, без публики, без свидетелей, кроме них двоих и пустого кафе, и Кевина, который протирал стойку в углу.

— Джон видел такое, — сказал Марк тихо. — В те дни до катастрофы он шёл этим маршрутом и видел такие закаты.

— И записывал в письмах, — сказала Светлана.

— Наверное. — Марк смотрел на горизонт. — Он любил маленькое, я говорил. Такое он бы не пропустил.

Светлана думала о том, что где-то в архиве Саутгемптонского морского музея будут лежать его письма. Про закат над Северной Атлантикой, написанный парнем двадцати девяти лет от роду, за несколько дней до гибели. И люди будут читать и знать: вот человек, который умел замечать красоту в мелочах.

Это важнее даты гибели.

Её отец бы согласился.

— Марк, — сказала она. — Когда вы будете писать про Джона — включите закат.

— Какой именно?

— Любой, который он видел. — Она смотрела в иллюминатор. — Пусть читатели знают, что он видел вот это. Что он стоял у борта и смотрел на такую же воду и такое же небо. Что он был живым человеком, а не только именем в списке.

Марк долго молчал.

— Включу, — сказал он наконец.

***

Стемнело окончательно часов в семь.

Кафе начало заполняться — негромко, неторопливо, как заполняется место после долгой тишины. Приходили по двое, по трое, садились, заказывали. Светлана узнавала лица — пассажиры с церемонии, люди с палубы.

Белобрысый пришёл один. Сел у дальней стены, взял кофе. Достал телефон, но не включил его, просто держал в руках, смотрел в экран без движения. Потом убрал в карман.

Светлана это видела.

Не стала подходить.

Некоторые вещи человек должен сделать сам — дойти до чего-то и переменить что-то внутри без чужой помощи. Её дело было написать и она написала. Остальное не её работа.

Рябов появился позже — с Викой и без телефона. По крайней мере, прямой эфир он в этот раз не вел. Они взяли столик в середине зала, заказали еду, разговаривали тихо. Рябов выглядел по-другому, чем в первый день, — не хуже, не лучше, просто по-другому. Как выглядит человек, которого что-то сдвинуло с привычного места и он ещё не знает, куда в итоге встанет, но уже точно знает, что на старом месте не останется.

Вика поймала взгляд Светланы и кивнула.

Светлана кивнула в ответ.

***

В половине девятого Маргарет вошла в кафе.

Это было неожиданно — Светлана думала, что та поужинает в каюте, так как устала. Но Маргарет вошла сама, без стюарда, с той же прямой спиной и тем же твёрдым шагом. Огляделась. Увидела Светлану и Марка и пошла к ним.

— Можно к вам присоединиться, молодые люди? — спросила она.

— Конечно, — сказал Марк, встал и подвинул кресло.

Маргарет села. Посмотрела на иллюминатор — там была только ночь и ничего больше.

— Хорошо, что темно, — сказала она. — Не видно воды. Сегодня достаточно воды.

— Заказать вам что-нибудь? — спросила Светлана.

— Горячий чай и что-нибудь сладкое, если есть.

Кевин, который, кажется, слышал всё в радиусе десяти метров, уже нёс чашку.

Маргарет посмотрела на него.

— Спасибо, молодой человек.

— Пожалуйста, мисс Коллинз, — сказал Кевин и поставил рядом тарелку с печеньем.

Маргарет взяла печенье, откусила маленький кусок. Жевала медленно, смотрела на стол.

— Я хочу кое-что сказать вам обоим, — произнесла она наконец.

Они оба молчали.

— Я ехала на этот рейс с одним чувством, — сказала Маргарет. — Чувством долга. Я единственная, кто ещё помнит маму живой. Значит, я должна была сюда приехать. Отдать венок. Сказать речь. — Она взяла чашку. — Я не думала, что будет что-то ещё.

— А оказалось? — тихо спросил Марк.

— Оказалось, что тут еще будут аналогичные люди, — сказала Маргарет просто. — Вы, Виктор, та молодая женщина с девочкой. — Она посмотрела на Светлану. — Вы и ваш отец. — Пауза. — Я не ожидала, что буду думать про других. Думала, буду думать только про Томми и маму. А оказалось, что думаю про все вместе. Все истории вместе. — Она поставила чашку. — Это неожиданно, но хорошо.

— Они закончились все в одном месте, — сказала Светлана. — Все истории. Поэтому так.

— Наверное, — сказала Маргарет. — Умная девочка.

Светлана улыбнулась — неожиданно для себя.

— Мне двадцать шесть лет, — сказала она.

— Я знаю, — сказала Маргарет. — Для меня это девочка. Привыкайте.

Марк негромко засмеялся.

Маргарет посмотрела на него.

— А вы — мальчик, — сказала она. — Который, наконец-то, отпустил что-то тяжелое.

Марк перестал смеяться. Посмотрел на неё.

— Вы заметили? — спросил он.

— Я старая, — сказала Маргарет. — А не слепая.

Она допила чай. Взяла ещё одно печенье.

— Расскажите мне про вашего Джона, — сказала она. — Я хочу слышать. Сегодня вечером — только про живых. Про то, какими они были живыми.

И Марк рассказал.

Про пирожки с угла. Про кота с разочарованным взглядом. Про три года сбережений и про компромисс между первым и третьим классом. Про лёгкость, которая чувствовалась в письмах и что он не был тяжёлым человеком.

Маргарет слушала внимательно, не перебивая, с тем выражением, с которым слушают что-то важное люди, у которых за плечами много лет и они умеют отличать важное от необязательного.

Потом рассказала про Томми.

Не то, что говорила на церемонии, — другое. Про то, что он любил не только лошадей. Любил ещё прятаться — находил любой угол и залезал туда и сидел, пока его не начинали искать. Мама рассказывала: на «Титанике» в первый день он нашёл какой-то закуток между трубами вентиляции и просидел там полтора часа, пока весь третий класс его искал.

Пять лет всего ему было, — сказала Маргарет. — А искали полтора часа! Мама говорила, что, когда нашли, он сидел совершенно довольный и сообщил, что это было его место.

— Его место, — повторил Марк тихо.

— Да. — Маргарет чуть улыбнулась — первый раз за вечер, по-настоящему. — Мама потом всю жизнь, когда искала что-нибудь — ключи, очки, нужную бумагу, — говорила: это на своём месте, как Томми. Я не сразу поняла, откуда это. Она объяснила, когда мне было лет двадцать.

— Это осталось в языке, — сказала Светлана. — Он остался в языке.

Маргарет посмотрела на неё.

— Именно, — сказала она. — Именно так. — Помолчала. — Я никогда не формулировала это так. Но — именно так.

Они сидели втроём за маленьким столиком в маленьком кафе, снаружи был ночной океан, корабль шёл вперёд ровно и уверенно, было тепло, пахло чаем и имбирём, и они говорили про людей, которых давно нет, но говорили про них, как про живых, потому что в каком-то смысле они и были живыми: в языке, в памяти, в историях, которые передавались от человека к человеку, как передаются все важные вещи — не через документы и архивы, а через разговоры за чаем поздним вечером.

Маргарет ушла в десять.

Встала, одёрнула пальто, взяла сумочку.

— Спасибо вам обоим за компанию, — сказала она.

— Это вам спасибо, — сказал Марк.

— Не спорьте со старыми людьми, — сказала Маргарет. — Это невежливо.

Она пошла к выходу — прямая спина, твёрдый шаг. У двери обернулась.

— Светлана, — сказала она. — Когда напишете книгу — пришлите мне экземпляр.

— Вы читаете по-русски? — удивилась Светлана.

— Нет, — сказала Маргарет. — Но у меня есть время выучить.

Она вышла.

Светлана смотрела на закрытую дверь.

— Ей девяносто один, — сказал Марк.

— Я знаю.

— Она выучит русский.

— Знаю, — сказала Светлана.

***

Кафе к одиннадцати почти опустело — остались они двое и Кевин, который гасил часть света и расставлял стулья на столы в дальнем углу, давая понять, что час поздний, но без спешки.

Светлана убрала телефон. Сложила блокнот.

За эти два дня он был исписан почти полностью — мелким, торопливым почерком, который она сама с трудом разбирала, — именами, датами, фразами, деталями. Кот с разочарованным взглядом. Руки держат пустую чашку, но не ставят. Пока помнят — живут. Может, не только место.

Она посмотрела на последнюю страницу.

Там было написано одно слово: «Папа.»

И под ним — ничего. Она начинала с этого слова, когда писала в каюте, а потом взяла другой листок. Этот остался.

Она не стала его вырывать.

— Уходим? — сказал Марк.

— Наверное, — сказала она.

Они встали. Марк оставил купюру на столе — Кевин молча кивнул из угла, не подошёл, не стал считать.

В коридоре снова было тепло и тихо — только гул двигателей, ровный и глубокий, как всегда. Они шли рядом по бордовому ковру, мимо бронзовых фонарей, каждый в сторону своей каюты.

У развилки коридора они остановились.

— Завтра мы будем в Нью-Йорке, — сказал Марк.

— Завтра вечером, — сказала Светлана.

— Да. — Он смотрел на неё. — Вы летите обратно сразу?

— Послезавтра утром. У меня есть день в Нью-Йорке.

— Я тоже остаюсь на день, — сказал Марк. — Там есть архив — хочу посмотреть кое-что про Джона. Иммиграционные списки, записи порта.

Светлана смотрела на него.

— Значит, не прощаемся, — сказала она.

— Не прощаемся, — согласился он.

Они стояли у развилки коридора, и между ними были те самые полшага, которые всегда были, и Светлана думала: можно было бы сократить это расстояние. Прямо здесь и сейчас, в коридоре с бордовым ковром. Это было бы несложно — один шаг, и всё изменилось бы.

Она не сделала его.

Не потому, что не хотела. А потому, что не всё нужно делать сразу. Некоторые вещи требуют времени — не из осторожности, а из уважения к тому, что только начинается.

— Спокойной ночи, Марк, — сказала она.

— Спокойной ночи, Светлана.

Он пошёл в правый коридор. Она — в левый.

На полпути она услышала, как он остановился.

— Светлана?

Она обернулась.

Он стоял в конце коридора — в нескольких метрах, в мягком свете бронзового фонаря.

— Завтра утром, — сказал он. — Жду вас на завтрак в кафе Кевина.

— В восемь? — сказала она.

— В восемь.

Она кивнула.

Он кивнул.

Они разошлись.

***

В каюте она легла не сразу.

Сидела на краю кровати в куртке, которую не успела снять, и просто смотрела в иллюминатор, за которым была только ночь и слушала корабль — двигатели, воду, далёкие голоса где-то наверху, смех кого-то в соседней каюте.

Думала про сегодняшний день.

Про Маргарет, которая сказала про Томми над водой и не заплакала — не потому что не больно, а потому, что боль давно стала частью неё, привычной и своей.

Про Виктора, который разжал руку над бортом и сказал про правнуков — что они ничего.

Про Марка и про его «мы пришли за тобой, Джон».

Про свой собственный листок, который она держала над водой и не сразу отпустила — секунды три держала, только потом разжала пальцы.

Про то, как он лёг на поверхность рядом со всеми остальными.

Она расстегнула куртку. Достала телефон.

Открыла фотографии — листала назад, к самому началу рейса. Вот Пермь, аэропорт, взлётная полоса в тумане. Вот Лондон — транзит, два часа, чашка кофе в терминале. Вот порт в Саутгемптоне, «Атлантик» у причала, огромный и белый на фоне серого неба.

Вот первая фотография с борта — вид с верхней палубы, вода, горизонт. Она сделала её почти машинально, как делают все, когда видят что-то большое.

Вот — иллюминатор своей каюты, первое утро. Туман.

Вот — грифельная доска в кафе Кевина с сегодняшним меню. Она не помнила, когда сделала этот снимок.

Вот — Маргарет в библиотеке, снятая украдкой, — прямая спина, книга на коленях, свет из иллюминатора на лице.

Вот — конверт Виктора, который он показывал на ужине. Выцветшие чернила, старославянский почерк.

Фотографий Марка не было ни одной.

Она подумала об этом — несколько секунд — и закрыла галерею.

Завтра в Нью-Йорке будет время. Сначала надо приплыть.

Она разделась, легла, укрылась.

Корабль качало чуть сильнее, чем ночью, — волна стала длиннее, океан дышал иначе. Но это была уже привычная качка, своя — за двое суток она стала частью ритма, как бывает частью ритма всё, к чему привыкаешь.

Она закрыла глаза.

Думала про завтра — про Нью-Йорк, который она увидит утром с верхней палубы: сначала туман, потом силуэты, потом мост, потом башни. Она никогда не видела Нью-Йорк с воды. Говорят, это совсем другой город — с воды он выглядит так, как его не видит никто из тех, кто прилетает самолётом.

Джон Хэллоуэй никогда не увидел его.

Она увидит — и будет помнить об этом.

Она уснула быстро — корабль укачал, как укачивает всё большое и надёжное, что движется вперёд, пока ты спишь.

Шторм начался ночью.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.